

Иван Савицкий

СОТВОРЕНИЕ ЭДЕМА

/трилогия/

КНИГА ПЕРВАЯ

ПЛАЦДАРМ В ЗАХОЛУСТЬЕ

16+

Виктор Кустов

Плацдарм в захолустье

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Кустов В. Н.

Плацдарм в захолустье / В. Н. Кустов — «ЛитРес: Самиздат»,
2017

Вполне вероятная версия о том, как зародилась жизнь на Земле.

Содержание

ДАЛЕКАЯ ПЛАНЕТА	6
Конец ознакомительного фрагмента.	52

**Часть
первая**

ДАЛЁКАЯ ПЛАНЕТА

Экспедиция

–1 –

Эта планета была в самом захолустье познанного мироздания. Они бродили по Космосу уже очень долго. Были высажены экспедиции в других галактиках, и в этой, дальней, ни Князь Радж-Навигатор, ни команда, ни экспедиционная группа не надеялись найти подходящие условия для переселения: слишком молода и краткосрочна по жизненному циклу была эта, третья от творящей свет звезды, планетка. Но Аналитик доложил, что параметры сходны с их родным Раджингом, и Навигатор принял решение исследовать её, хотя отдалённость это галактики от галактики Буд практически не оставляла шансов на Освоение. Но, подчиняясь Директиве, Навигатор вызвал экспедиционную команду.

Их было семеро. Раджинг – руководитель, его настоящего имени не знал никто, даже Навигатор – только Княжеский Пояс, но тот был сейчас недосыгаемо далеко. Это была седьмая команда, и Раджинг-седьмой, шестерых Раджингов с экспедициями Навигатор высадил на других планетах в других галактиках.

Шестерых членов этой команды звали: Силадж, Радж, Садж, Адж, Монжа, Тонжа. Они стояли перед экраном обзора, истомившиеся в ожидании, оттого перенасыщенные энергией действия. Навигатор видел: эмоциональное напряжение было почти критическим, ещё пару парсеков – и он вынужден был бы списать их в резерв, как уже сделал это с пятью группами.

– Это – ваша планета, – сказал он. – Она может стать промежуточной базой. – И повернулся к руководителю. – Раджинг-седьмой, в соответствии с Директивой вам необходимо в течение одного года по местному летоисчислению изучить возможности использования планеты.

Князь Навигатор устал за этот многолетний маршрут; вот уже два парсекогода он не получал вестей с Раджинга, это его тревожило и вносило сомнение в нужности их миссии. Глядя на с трудом сдерживающих радость членов этой седьмой экспедиции, он не думал о том, будет ли им сопутствовать удача, как делал прежде. Он хотел только одного: быстрее дойти до конечной точки намеченного маршрута и повернуть назад.

– Ваши функции определены Директивой, задача понятна, – с традиционной утвердительной интонацией произнёс он. – Сутки на подготовку к десантированию.

Семеро несогласованно развернулись и прошли к выходу.

Седьмая группа была явно не первой и даже не пятой. Тридцать лет по исчислению Раджинга, или сто пятьдесят по обороту планеты, где им выпало остаться, прошло с момента старта. Навигатор понимал тяжесть их ожидания, как и то, что девятая экспедиция, последняя по Директиве, вполне может не состояться. У этой седьмой градиент энтузиазма был чуть более единицы из пяти, гарантирующих жизнеспособность в чуждых условиях. У девятой он будет близок к нулю. Навигатор в этом почти не сомневался.

...Пройдя по коридору, шестеро вошли следом за Раджингом в предэкспедиционный зал. Это было единственное место на корабле, где не торчали глаза фиксаторов, хотя все знали, что они есть и здесь и, как и все остальные помещения, это также открыто для Распорядителя Порядком. Но информация из этого зала считалась сверхсекретной и никогда нигде не разглашалась.

Раджинг опустился в кресло, расположенное перед полукругом шести других, остальные заняли по ранжиру: второе – Силадж, третье – Радж, четвертое – Садж, пятое – Адж, шестое – Монжа, седьмое – Тонжа.

Раджинг был стерилизован и перенаправлен, отчего выглядел полнее и округлее остальных. У него были высокий и протяжный голос, чёткая и властная дикция, необходимые для руководителя.

Силадж был предельно оптимистичен, как требовала Директива, второй номер обязан был энергетически дополнять и поддерживать руководителя.

Радж олицетворял собой физическое совершенство раджинцев: рельефные формы тела, выдающийся орган деторождения, надменно-вопрошающее лицо.

Садж – противопоставление духа плоти: асимметричный, физически неприметный рядом с Раджем, с торчащими из-под Кожы сочленениями, но с удивительными зрачками – входом во внутренний мир – обворожительно-притягательными. Благодаря им Садж за время полёта оплодотворил немало раджинок других экспедиций и всех из своей группы: Аджу – стройно-спортивную, влюблённую в себя особу, с лицом, взгляд от которого непросто было отвести; Монжу – сильную, уверенную, ищущую возможность кого-то защитить, а в момент совокупления выплёскивающую такую волну нежности, которую редко кто выдерживал; Тонжу – романтично-отстранённую, предпочитающую созерцание действию и с большим удовольствием разглядывающую партнёров, нежели допускающую их в своё лоно.

Шестеро сидели напротив Раджинга, раскрывшиеся перед ним за эти годы полёта, как и требовала Директива, верившие и повинующиеся, и ждали.

А Раджинг, оглядывая их, думал о приближении главных дней в его жизни, ради которых он когда-то и стал Блуждающим Галактическим Агентом. Ради этого он забыл своё имя, свой род, своё прошлое и будущее.

– Нас слышат и не слышат, – произнёс он, – вы знаете, что простится, что зачтётся, что искупится, что перевесит... Вы знаете цену этого часа. Начинайте.

– Нам осваивать. – отозвался Силадж. – Я готов и хочу.

Он напряг мускулы, и Кожа подчеркнула красоту его физиологии.

– Я готов. – Радж был также краток, но забыл поиграть своим телом. – Накопленное ожидание необходимо и целесообразно разрядить.

– Не люблю больших пространств, охоты и проявления силы, но обожаю новое, – привстал Садж. – Хотя чего-то опасаясь...

Аджа помедлила ровно настолько, чтобы анализирующие устройства не заподозрили аномального. – Жаль, что на этой планетке нет разумных существ.

– Я буду нужна. Я смогу помочь. Я выполню миссию, – продекларировала Монжа.

– Что касается меня, – неторопливо начала Тонжа, – я не верю в исполнение желаний, но мне интересно сменить обстановку. И побыть одной...

Раджинг выждал паузу, давая приборам осмыслить услышанное, затем бросил взгляд на панель за спинами сидящих: спектр был нормальным, хотя и с нечёткими, словно размытыми, границами, но он был живым.

– Мы – готовы, – подытожил он. – И вы знаете, что ещё нам нужно решить.

– За.

– Против.

– За.

– Против.

– За.

Слово было за Тонжей.

– За. – Выпала она, ощутив запоздало мысленное «против», и над ними вспыхнул, неведь откуда взявшийся, мерцающий свет.

– Мы предугадали нечто важное, приняв именно такое решение, – сказал Блуждающий, подавляя тревожное предчувствие.

Космос редко снисходит до оценки решений, если только эти решения не носят Вселенского характера...

Дверь распахнулась, и семеро неторопливо вышли.

-2-

Этот последний перед спуском вечер каждый из членов экспедиции провёл согласно Директиве. И хотя треть раджингового года, на которую они покидали корабль, срок невеликий, все, за исключением Раджинга-седьмого, пережили памятное им.

Галактика Буд была многократно крупнее всех, известных раджинцам. Их же планета, Раджинг – самой маленькой в галактике, но именно она и стала давным-давно колыбелью цивилизации Созидателей. История Раджинга, если верить сохранившимся знаниям, началась с длительного Освоения собственной планеты, затем вошла в эпоху Ближнего Освоения, потом – Дальнего и наконец – Межгалактического. Освоение было смыслом цивилизации раджинцев. Директива – стержнем Освоения. И сформулирована она была Княжеским Поясом.

Княжеский Пояс имел и другое наименование – Созидатель, но ни один документ ничего конкретно о нём не сообщал. От имени Созидателя мог выступить любой из Князей. Но всегда он был только рупором Пояса.

Князем становился раджинец, предложивший какую-либо программу Директивы. Стать Князем было мечтой каждого раджинца.

Навигатор разработал программу экспедиций в межгалактическое пространство и стал Князем.

В эпоху Межгалактического Освоения столь же заманчивым для молодёжи стало стремление выбиться в Блуждающие Галактические Агенты. Необходимость такого призвания была обоснована Князем Пилотом, сообщившим, что за пределами их галактики есть иная цивилизация, враждебная Созиданию.

О Блуждающих, как и о Созидателе, знали все, но никто не мог конкретно ничего пояснить или на кого-то указать. Директива гласила о каре для тех, кто не умел молчать. Кандидатов в Блуждающие отбирали и обучали, но где и как, тоже оставалось тайной.

Освоение, как итог деятельности раджинцев, заключалось в способствовании гармонии уже существующего или достигнутого и будущего. Каждое следующее поколение раджинцев совершенствовало достигнутое предыдущим поколением, порой кардинально всё переделывая. Так, в эпоху Ближнего Освоения раджинцы научились защищаться от сезонных перепадов климата, а во времена Дальнего Освоения громоздкий Щит заменили Распределителем, выставленным к освещающей и обогревающей планету Звезде.

Раджинцы жили так же, как и в самом начале цивилизации, – в девственных лесах с чистыми реками, с генетически очищенными представителями флоры и фауны. Единственное, что они создали, отделяющее их от естественной среды – это Кожу. Но в неё обряжали не всех, а лишь тех, кто мог подвергнуться опасности, и в первую очередь – членов экспедиций. Была также создана Кожа для детей или искателей приключений, она была кратковременной, в отличие от той, что создавалась для экспедиций; эту Кожу нельзя было снять до перехода в иной мир.

Раджинг был слишком близко расположен к Звезде. На день отлёта экспедиции цивилизация всё также, как в незапамятные времена, концентрировалась на дальней макушке планеты. Три четверти планеты оставались доступны лишь для исследователей и любителей острых ощущений; первые вели наблюдения за раскалённой и смертоносной пустыней в специально возведённых сооружениях, вторые – из изолированных шлюпок созерцали мёртвую красноту этих мест.

Обитаемая же часть была великолепна. Обильная растительность позволила в давние времена создать уникальную страну-город. Под густыми, красновато-бордовыми кронами

находились поселения раджинцев, соединённые естественными туннелями, в которых смертоносные лучи Звезды не могли сжечь не защищённых Кожей раджинцев. По туннелям беспрестанно текли, бежали и неслись волнообразные ленты, подчинявшиеся естественному стремлению растительности, из которой они создавались, распрямиться. Они делали поездку из конца в конец страны либо неспешно-созерцательной, либо стремительно-деловой. Но даже на самой медленной ленте всю страну можно было обогнуть за один день.

Раджинцы не знали одежды. И очень любили время наибольшего удаления от Звезды, когда можно было быть менее осторожными и не бояться оказаться в случайно возникшем просвете между листвой. За кроной регулярно следили, но всё-таки каждый раджинец мог рассказать о случае, когда он лично видел опасную прореху.

Растительность была не только кровом, но и пищей. Питаться мясом животных раджинцы начали в эпоху Дальнего Освоения, благодаря Князю Вкусившему, а проще, первому обезумевшему от голода в Период Великого Горения и осмелившемуся отведать кусок павшего трирога...

...Об охоте на трирога вспомнил в тот вечер Радж.

Это была его первая охота, после защиты права войти в Клан Охотников. Они выехали из столицы в сторону пустыни на самой медленной ленте, чтобы присмотреться друг к другу, все молодые, только что закончившие курс понимания Обновления, возбуждённые листьями кара-колы, без усталости ухаживая за парой сокурсниц, сумевших также войти в Клан Охотников, посмеиваясь над легендами об ужасе, порождаемом одним только видом трирога. Но когда Радж увидел его, подпиравшего рогами небосвод, застывшего червеобразным гигантским препятствием, перетирающего зевом величиной с него, Раджа, комли кремниевидных олитей, которые служили основанием всех сооружений на Раджинге, включая межпланетные корабли, – он остолбенел. А потом в бригаде охотников, ведомых опытным проводником, они ползли по этому подрагивающему массиву, пока не нашли полосы прекращения деятельности и по команде главного охотника не закрыли их лученепроницаемым экраном. И потом было самое страшное. Когда твердь стала заваливаться из головы вылетело всё, чему обучали; непонятно было, каким чудом он удержался, выжил, не попал под обвал, фиксируемый как маленькое сотрясение планеты...

Охота на трирогов разрешалась редко, лишь когда они переходили от поедания мёртвой растительности к живой или когда этого требовала жизненная необходимость. После охотников возле поверженного трирога возникало поселение, которое было занято в течение нескольких сезонных циклов переработкой добычи: энергия животного выделялась и использовалась для межпланетных кораблей, плоть консервировалась, из рогов вырабатывалась компоненты, необходимые для изготовления Кожи.

На той охоте Радж остался жив лишь благодаря тому, что одна из сокурсниц, падая, сбила его, и он откатился дальше от накрывшей её и ещё многих охотников живой лавины. Погибших даже не пытались доставать, их тела находили в конце переработки трирога, и после закрытия поселения на этом месте оставались заповедники памяти.

Радж вспомнил эту летящую мимо сокурсницу с непонимающими глазами и своё бессилие перед случившимся...

...Самым приятным в воспоминаниях Саджа было детство. Приятным, но и горьким. Они жили на окраине страны, там, где кроны были менее густы, чем в столице, и в активный сезон ему и его согражданам приходилось использовать защитные зонтики. Но зато в пассивный можно было увидеть в просветах Космос. На него нестерпимо было смотреть днём, но ночью Садж карабкался по растительности, насколько мог, вверх и подглядывал за миганием разноцветных далёких огней.

Его многочисленные братья и сёстры не интересовались Космосом, и спутником его стал сверстник – Гадж.

Гадж был ещё одержимее Саджа и на второй год их совместных подъёмов один забрался выше, чем поднимались они до этого, под самые кроны, и что-то там увидел, потому что промедлил спуститься до рассвета. Промедлил и – исчез. Об увиденном Гадж оставил царапины на оторванном большом листе, и когда Садж осмелился подняться до того места, он увидел эти царапины и запомнил их. Но и по сей день не смог расшифровать их.

Благодаря желанию сделать это, разгадать тайну исчезновения друга, он прошёл все ступени образования и стал Межгалактическим Экспертом...

...Крепко, без воспоминаний, спал Силадж...

...Блуждающий разглядывал изображение планеты, на которую им предстояло высадиться: прошлое его не интересовало...

...Тонжа пыталась понять, почему она сказала «за», хотя думала иначе и сейчас считала, что их выводы – самый большой, конечно, у Монжи, но и у неё тоже немало отпрысков, – только будут мешать им. Но вот сказала «за», и теперь ко всем прочим обязанностям добавится обязанность периодически заглядывать в трансплантатор, где их детки будут обрядаться в свою Кожу. На время придётся забыть о своей цели – стать Князем... Первой среди женщин. Во всяком случае никто никогда не утверждал, что для женщины это невозможно, хотя и прецедента не было тоже, несмотря на то, что во всём устройстве жизни на Раджинге первенствовали женщины. Они оплодотворялись тогда, когда хотели, и с кем хотели. Они возглавляли семейные кланы, принимая или отвергая мужчин. Они определяли судьбу детей. И ей, Тонже, должно быть место в Княжеском Поясе, она в это верила...

...Аджа представляла, как скучно проведёт это время до возвращения корабля. Здесь во всяком случае были мужчины из других экспедиций, команда, и хотя за прошедшие годы они изрядно все поднадоели, это всё-таки лучше, чем ничего. Может быть, ещё Раджинг-седьмой ей был бы интересен, но он не нуждается в женской ласке. Радж скучен и примитивен в близости. Садж неожиданен и заманчив, пока не дойдёт дело до процесса совокупления, тут его действия столь пресны по сравнению со словами, что хорошо было бы совместить их: Раджа с его органом зачатия и Саджа со словами. А что ждёт её на этой планетке? Похоже, ничего интересного...

...Хорошо, если бы эта планета была похожа на Раджинг, прикидывала Монжа. Тогда проще было бы следить за детьми, точно зная, что им может угрожать. А ведь вполне возможно, что они станут обитателями этой промежуточной базы Освоения, её дети. И им будет принадлежать целая планета... Её мать не очень-то стремилась расширить семью, предпочитая независимость одиночества подчинённости заботам о клане, Монжа была единственным ребёнком, и её мечта ездить в гости к братьям и сёстрам на быстроходной ленте так и не осуществилась. А она очень хотела ездить в гости к своим детям...

-3-

Отдав приказы команде по подготовке к высадке экспедиции, Князь Навигатор прошёл в свои покои. В отличие от остальных, его каюта состояла из двух помещений.

Впрочем, во второе, кроме него, доступа никто не имел. Оно открывалось, только реагируя на Кожу Навигатора, а в случае катастрофы отстреливалось от корабля отдельным неуничтожимым блоком. Теоретически это должно было быть именно так, хотя история Раджинга подобного примера не знала: все корабли всегда возвращались обратно. Именно здесь находился Хранитель информации. Именно здесь Навигатор рассказывал всё, что он видел, понимал, думал, ничего не тая, ибо Княжеский Пояс должен был знать всё. Но основные сомнения он пока не высказал, хотя в докладе упомянул о неожиданной концентрации космической энергии над отправляемой экспедицией, передав слово в слово разговор в предэкспедиционной.

Он подождал немного, но ответа от Княжеского Пояса не было, как уже не было много дней, и вернулся в первое помещение.

Это молчание Княжеского Пояса он не мог объяснить неисправностью: сигналы уходили от корабля в родное лоно Раджинга, где вся растительность была принимающим устройством. Оттуда послать сигнал было ещё проще. Расстояние не имело никакого значения, и то, что два парсекогода назад, до высадки пятой экспедиции, Княжеский Пояс вдруг не сообщил своего мнения по очередному докладу, объяснить было невозможно.

Следовало предположить худшее. Ещё на заре цивилизации умами Раджинга было высказано опасение, что рано или поздно обогревающая Звезда выбросит так много энергии, что растительный купол не только не сможет защитить всё живое, но и сам разрушится. Именно эти опасения и продиктовали путь развития – Освоение. К периоду Дальнего Освоения стало ясно, что интенсивность излучения Звезды действительно возрастает. Информация, передаваемая Контролёрами Щита, скоро перестала быть доступной населению. Была разработана Директива Межгалактического Освоения и Навигатор возглавил флотилию кораблей с экспедициями, разошедшихся в дальние уголки Космоса. Возглавив флагман, который шёл по самому длинному маршруту, с остальными кораблями он связывался через Раджинг, и теперь они тоже молчали. Последнее, что он знал: большинство из них на момент прекращения связи были на пути к дому.

Молчание Раджинга заботило Навигатора больше всего. Что же касается планетки, над которой висел корабль, – он не думал, что она может пригодиться, но, приняв решение, никогда не менял его. Поэтому, когда над намеченным местом начнётся утро, он отдаст приказ – и шлюпка с членами экспедиции останется здесь.

До возвращения корабля.

-4-

Посадка прошла без осложнений. Для неё было выбрано небольшое чистое пространство среди девственной растительности к северу от экватора. Хотя облучение от обогревающей планетку звезды было неизмеримо ниже, чем на Раджинге, Навигатор и члены экспедиции предпочли именно это, пусть по меркам Раджинга, достаточно прохладное, но всё же закрытое массивной кровлей ярко-зелёной растительности, место.

Навигатор отследил посадку шлюпки, дождался сообщения и скомандовал кораблю старт.

Оставшиеся на планете проводили взглядами вспыхнувшую точку из-под защитного купола шлюпки и, выдвинув Щит, принялись за дело.

Трансплантатор с детьми был перемещён во впадину, закрытую непроницаемым сводом. На этом настояла Монжа. Все ощущали холод, недостаток энергии и не торопились прятаться под кроны, веря в надёжность Щита, под которым их приятно обдувал тёплый ветерок.

Дрожь, вызываемая холодом, на несколько десятков минут по местному временному циклу нарушила график размещения, но зато когда Кожа адаптировалась и пришла в норму, члены экспедиции с удвоенной энергией взялись за дело и к смене светлой части оборота планеты на тёмную уже создали поселение: семь небольших защищённых кают, дублирующих оставленные ими на корабле, диагностирующий и реконструкционный блоки и соединяющие их зелёные коридоры.

С ночной прохладой Кожа справилась более мягко и переход ко сну был безмятежным, в котором незнакомые, но весьма неприятные и пугающие ночные звуки вполне сошли за память о детских страхах.

...Блуждающий проснулся раньше всех, но сделал вид, что ещё отдыхает, чтобы понаблюдать за реакцией своих коллег.

Как и при моделировании ситуации высадки на Раджинге, первым из своей каюты вышел Садж. Огляделся... Но вместо того, чтобы взглянуть вверх, как делал тогда, подошёл к ближайшему растению с почти такими же большими, как на Раджинге, листьями, но тонким для своей высоты и перехваченным кольцами основанием, и осторожно дотронулся до него. Потом поднёс ладонь к глазам и вдруг на неё упал луч восходящей звезды, ослепительно яркий луч, после которого на Раджинге пострадавшего срочно доставляли в реконструкционный блок.

Блуждающий инстинктивно отдернул руку, повторив испуганное движение Саджа, и поднялся, чтобы поспешить на помощь, но вдруг отметил, что Садж не заторопился уйти и даже сделал то, чего никогда бы не сделал на Раджинге: подставил ладонь под луч и уже не столь быстро отвёл её.

«Ну, довольно, – мысленно приказал Блуждающий. – Мы ещё ничего не знаем здесь».

И Садж, словно услышал, направился в сторону диагностирующего блока...

Радж повёл себя точно так же, как при моделировании: огляделся, нет ли опасности, разглядел лицо и прошёл к блоку.

У Силаджа было отклонение: он попробовал ногой качнуть невысокое растение. В остальном всё было как тогда: взгляд вверх, вокруг, вперёд, и пружинистые осторожные шаги.

Настал черёд женщин. И тут Блуждающему стало трудно сопоставлять. Только у одной Аджи поведение напоминало прогнозируемое: она обходила лучи, уже кое-где прорывавшиеся сквозь кровлю, но почему-то попрыгала на покрытой высокой зелёной порослью поверхности, словно проверяя прочность тверди, совсем непохожей на глянцево-чёрную поверхность Раджинга.

Монжа повела себя странно: она вытянулась на носочках, развела руки, погладила ладонями кормящие бугорки и беззаботно направилась к блоку, словно шла по коридору корабля.

Следом вышла Тонжа. Её, разгладившаяся за отдых, Кожа светилась энергией сильного молодого тела. Блуждающему показалось, что та стала прозрачнее. Или, может быть, сказывалось освещение, но сквозь Кожу были видны коричневые пятнышки кормящих бугорков, тёмный треугольник лона – то, что в корабле лишь угадывалось. Она наклонилась к зелени, зачем-то провела ладонью над ней, поглядела вверх и неторопливо пошла к блоку. И это было совсем не похоже на её действия при моделировании.

Блуждающий поднялся торопливее, чем должен был, до диагностирующего блока дошёл быстрее – так ему не терпелось узнать результаты осмотра; и в первое мгновение не поверил: тесты и Саджа, и Тонжи были как у всех остальных, в норме.

– Раджинг! – окликнул его Силадж.

– Нет, не Раджинг, – возразил Блуждающий и отметил, что сделал ошибку: под этими кронами имя родной планеты не должно было упоминаться. – Блуждающий, – повысил голос он. – Я – Блуждающий, и вы знаете теперь, каковы мои функции...

Шестеро переглянулись. Они знали, что отныне их руководитель становится для них олицетворением безмерной власти.

– Это можно было предположить, – прервал затянувшееся молчание Силадж, теряя с этого момента свой второй номер, как Радж терял третий, а все остальные – свои номера, уравниваясь на нулевой отметке, а возвышался и правил один-единственный Блуждающий.

Они стояли полукругом, как сидели там, в предэкспедиционной, каждый на своём месте, но уже происходили перемещения: кто выдвинулся вперёд, кто сдвинулся в сторону. И Блуждающий дольше обычного задержал на каждом взгляд, уже не по порядку, а начав с Тонжи, поэтому луч света, лежащий на плече Саджа, он заметил несколько позже необходимого, чтобы предупредить, и в ожидании крика боли промедлил ещё. Но Садж был абсолютно спокоен, словно ничего не произошло. И Блуждающий промолчал; это была вторая доза, на Раджинге после этого требовалось восстановление Кожи... Значит, излучение звезды этой планетки не настолько опасно, значит...

– Мне действительно не больно, – ответил на его невысказанный вопрос Садж. – И даже приятно, словно идёт процесс восстановления...

Остальные с интересом посмотрели на Саджа и общий вопрос перевели Блуждающему.

– Сделай замеры, Садж... – приказал тот.

Садж прошёл к блоку, скоро вернулся, встал рядом с Блуждающим.

– Норма, – безмятежно произнёс он. И тут же с тревогой добавил: – А если наше оружие также?..

– Принеси, – приказал Блуждающий Силаджу.

Тот достал их хранилища один из стигсов.

Этого не следовало делать, стигсы можно было использовать исключительно для защиты. Но нужно было удостовериться, что их оружие действует здесь также как на Раджинге, и Блуждающий направил его на стоящее перед залитым светом звезды пространством одинокое и уже погибающее, растерявшее листву растение, коснулся пальцем углубления.

В следующий миг растение обвило кольцо, и оно рухнуло вниз, вызвав шумом падения пронзительные крики неведомой живности, доносящиеся со всех сторон, и стало исчезать.

Блуждающий констатировал:

– Оно в порядке.

И все облегчённо задвигались, разбавляя своими голосами постепенно затухающий гомон чужой, неведомой жизни.

Блуждающий взглянул на Саджа. Внешне в нём ничего не изменилось.

– Уже должно было... – ответил на его взгляд тот. – Но я ничего не ощущаю и... – Он помолчал, потом добавил: – Хочу испытать ещё одно...

Блуждающий не успел ни спросить, ни остановить, тот сделал несколько быстрых шагов и оказался на открытом освещённом пространстве.

– Назад! – приказал Блуждающий. – Назад!

И поднял стигс, но уже менее решительно: на Раджинге этих мгновений вполне хватило, чтобы не только Кожи, но и Саджа не стало, но тот вернулся под кровлю таким, каким был.

– Я виноват, Блуждающий, но кровля этой планеты не защитит нас, а теперь вы будете знать, насколько опасны эти лучи. – Бодро произнёс он..

– Нас слишком мало, – опустил стигс Блуждающий. – Но в следующий раз я не остановлюсь.

Садж склонил голову.

– Что бы со мной ни случилось, – торопливо произнёс он, – позвольте назвать звезду этой планеты: Сонжа. – И пояснил. – Мою мать зовут Сонжа...

Это было Право Первого, и он поспешил воспользоваться им.

– В любом случае, – повторил он.

– Твоё право, – помедлив, согласился Блуждающий. И оглядел замерших в ожидании остальных членов экспедиции. – Никому ни шагу из-под кровли и Щита.

-5-

Через два дня Садж чувствовал себя прекрасно. Но его Кожа явно стала прозрачнее.

Перед закатом звезды Сонжа в третий раз он вновь озадачил всех.

– Я хочу, чтобы меня обследовали до молекулярного уровня, – заявил он. – Я чувствую, со мной что-то происходит, – и опередил вопросы, – происходит благодатное...

– Что ты ощущаешь? – спросил Силадж.

– Я тоже чувствую в себе какие-то перемены, – вдруг вмешалась Тонжа, которая несколько раз попадала под лучи звезды. – Я перестаю ощущать сопротивление Кожи и мне не хочется её обновлять...

– Мы обследуем Саджа, – прервал её Блуждающий. – Потом я приму решение.

...Эта ночь была неспокойной.

Впервые за время их пребывания на планете далёкие и неясные ночные звуки приблизились, разбудив даже отличающуюся крепким сном Монжу. Как приказал Блуждающий, никто не вышел из своих кают, хотя в прочности защитных сетей, которыми они окружили лагерь, уверенности не было – они не представляли как выглядят неизвестные им звери.

Монже очень хотелось пойти и взглянуть на трансплантатор с детьми, именно оттуда, она была уверена, неслось скрежещущее рычание. Но она не осмелилась нарушить приказ.

В эту ночь они остро ощутили, что находятся не на родной планете, – там животные редко издавали звуки, и даже такие гигантские, как трироги, не могли оглушить раджинца, тем более испугать звуком; в криках животных Раджинга всегда была беззащитность. Здесь же язык неведомой жизни выражал явную угрозу. Ночью окрестные заросли, казалось, кишели ими, днём под ветром разговаривали только уходящие ввысь деревья.

Блуждающий, так же, как и Монжа, беспокоился за трансплантатор и пока не знал, что делать, если Садж прав и лучи звезды Сонжа не опасны для Кожы. Программа Директивы не предвидела подобного варианта развития событий.

Князь Навигатор, с которым он общался каждый вечер, не был полномочен вносить изменения в программу, а Княжеский Пояс молчал. Возможность принимать самостоятельные решения при дальнейшем молчании Пояса Блуждающий получит спустя тридцать дней по здешнему летоисчислению после высадки. Сегодня он доложит Хранителю и продублирует в Хранилище корабля сообщение о структуре растительности, классифицирует её в зависимости от размеров и принципов существования. Основа её жизнедеятельности практически не отличалась от растительности на Раджинге, только высота деревьев была значительно меньше, листва также меньше размерами и не такая густая. Но вот мягкая и густая поросль на поверхности, напоминающая причудливые листья по строению, но разнообразная по форме, была неизвестна раджинцам. Эта поросль даже через Кожу как-то странно воздействовала на ступни. Проверка на возможность использования в пищу здешней растительности показала, что многое напоминает по содержанию элементов растительный мир Раджинга и пригодна для питания. Открытием было обнаружение странных плодов. В отличие от раджинских, которые, как правило, прятались в нижней, уходящей в поверхность планеты части и были вытянутыми по форме, здешние висели на ветвях и были разных цветов, округлой, или близкой к округлой, формы. Концентрация полезных элементов в них во много раз превышала концентрацию в плодах родной планеты.

После молекулярной проверки Блуждающий разрешил Силаджу в течение дня употреблять плоды. Тот съел три разных и этого оказалось достаточно для восстановления энергетической нормы.

Это было открытие, обещавшее будущим колонистам гарантированное пропитание, а значит возможность отправки переселенцев без больших запасов продовольствия.

Эта планетка всё больше и больше удивляла раджинцев.

Но это-то и настораживало Блуждающего. Всё в мироздании подвержено борьбе и равновесию противоположностей. Именно этим законом объясняли раджинцы стремительное развитие собственной цивилизации на фоне совсем не благоприятных условий. На этой же планетке условия для существования на первый взгляд были слишком хороши...

...Утро началось с громких возгласов Монжи. Возле трансплантатора она обнаружила большие вмятины, а защитная сеть продолжала ещё вибрировать от перенесённого напряжения.

– И всё же она выдержала, – выразил общий вывод застывших перед ней членов экспедиции Силадж.

– Если судить по следам, этот зверь довольно большой, – произнёс Радж. И помолчав, добавил. – А если он самый мелкий?..

И все задумались.

– Я готов обследоваться до уровня распада, – нарушил молчание Садж. – И если подтвердится моё предположение, нашим детям необязательно будет находиться в трансплантаторе, а нам бояться лучей звезды Сонжа.

Он с трудом скрывал возбуждение. Он верил, что находится на пороге открытия и в шаге от звания Князя.

– Не торопись, – остудил его Блуждающий. – Мы отвечаем не только каждый за себя.

– Но об этом стоит подумать, – выразил своё мнение Силадж.

Блуждающий помолчал. Он не мог рассказать им всё. И не мог нарушать Директиву.

– У нас будет такая возможность, – уклончиво отозвался он. – А пока займёмся тем, чем должны, и каждый выполнит то, что ему положено выполнить.

...Этот день был посвящён обустройству и осмотру пространства в малом радиусе. Все вместе прошли немного за защитную сеть и нашли множество следов; зверь был явно не один и даже не одной породы: глубокие ямки уже виденных ранее следов перемежались длинными полосами. Нашли и вытопанную тропу: звери на день уходили в глубь леса, под массивные деревья. Радж, не забывший охотничью подготовку, внимательно оглядел эту тропу, углублённую посередине, и сказал:

– Их число увеличивалось постепенно.

– Ты хочешь сказать, что сначала пришёл один зверь? – уточнила Тонжа.

– Именно так.

– И сегодня их будет ещё больше?

Радж, подумав, кивнул.

Блуждающий принял решение:

– Сегодня мы обследуем Саджа, – объявил он и повернул к лагерю.

...Глубинное обследование было ещё не полностью изучено и чревато опасностью. Прежде чем ввести этот метод в повседневность, раджинцы использовали его как способ уничтожения преступников. Энергия звезды, пропущенная с огромной скоростью через тело, превращала плоть в газообразное облако. Добиваясь меньшего расхода энергии, увеличивая скорость, Служба Уничтожения Преступников и сделала открытие, когда очередной наказуемый вдруг не испарился, а превратился в облако всего лишь на мгновение, и вновь обрёл тело. Правда, изменённое и быстро распавшееся.

Прошло немало времени, пока не был найден оптимальный режим воздействия, при котором молекулярное строение не разрушалось. А затем был создан объёмный анализатор, определяющий программу восстановления плоти. Анализатор стал использоваться достаточно широко, но всё же случались и неожиданные вариации.

Никто о возможном отклонении, кроме Блуждающего, не знал.

Садж вошёл в блок и занял место под матовым куполом.

Блуждающий вошёл следом, остальные члены экспедиции остались снаружи.

Блуждающий опустил купол, закрывший Саджа темнеющим на глазах коконом и, повинаясь движению руки Блуждающего, в следующее мгновение поднявшийся вверх: Садж стоял на своём месте. Блуждающий взглянул на вспыхнувшую перед ним молекулярную карту и тут же отправил её в секретный отдел Хранилища: то, что он увидел, было необъяснимым – молекулы тела Саджа, которые под воздействием лучей звезды должны были постареть – так было на Раджинге, помолодели...

– Без изменений, – сказал он, выйдя вместе с Саджем из блока. – Но никому под лучи не выходить. Мы не знаем последствий...

– А разве хрономонтаж...

– Мы не знаем последствий, – перебил Силаджа Блуждающий.

Он не мог сказать всего.

Он не мог понять и объяснить, почему в хрономонтаже Саджу нужно было всё больше и больше поглощать лучи звезды этой планеты, Сонжа, почему эти лучи не убивали, а насыщали энергией. И приказным тоном добавил:

– Я сказал, и так будет.

Члены экспедиции по очереди коснулись плеча улыбающегося Саджа, высказывая свою радость от сообщения, и Блуждающий был уверен: каждый из них уже не станет избегать лучей, и его приказ будет выполняться формально. Знал он и то, что первым нарушит его и пробудет под лучами дольше, чем Садж, потом встанет под купол. И если и его хрономонтаж...

Но даже он не мог предположить, что произойдёт в ближайшее время.

-6-

Блуждающий проснулся от внутреннего импульса – так, как просыпался в тренировочных лагерях, сразу, с первого же осознанного мгновения, ощущая всё вокруг. Он не открыл глаз, не сделал ни одного движения, а стал осторожно входить в плоть ночи. Сначала в пределах их лагеря, затем выйдя за его границу, нащупывая, постигая безопасное движение мелкой живности, и наконец замер у тропы, затаился и почувствовал накатывающие валы приближающейся агрессии. Эти валы по шкале, которую ему когда-то пришлось изучать, несли смертельную угрозу.

Его учили, что при таком их уровне правильное решение – выйти за пределы воздействия, ибо сопротивление бесполезно, ни Щит, ни сами они не способны выстоять против подобного воздействия. По нарастанию уровня агрессии Блуждающий определил время, которым они располагали, и коснулся бугорка на Коже подмышки. Теперь, он знал, шестеро его спутников и он сам стали едины, и все они подчиняются командам его мозга.

Шестеро, как и он, встали, быстро окинули взглядом домики-каюты, забрали необходимое, молча прошли к трансплантатору, переместили его к шлюпке и молча же отследили, как тот встал на привычное место транспортировки.

Семеро смотрели, но только один – Блуждающий – чувствовал ток времени и он подал приказ, по которому шестеро вошли в шлюпку, когда те уже ощутили разрушающее воздействие агрессии. Он помедлил в проёме, пытаясь разглядеть приближающуюся силу, но так ничего и не увидел в кромешной темноте. Шагнул к пульта и скомандовал подъём.

Уже отрывающуюся от поверхности шлюпку вдруг что-то ударило снизу, отчего не успевшие закрепиться на своих местах Тонжа и Садж упали, и тогда Блуждающий скомандовал экстренное ускорение и услышал, как с треском распались, оставшиеся внизу, защитные сети.

Ещё несколько раз шлюпку качнуло – поднималась энергия распавшихся сетей; наконец движение стало устойчивым. Блуждающий скомандовал остановку, откинулся в кресле и коснулся тайного бугорка.

Команда зашевелилась.

Первой пришла в себя Адж. С удивлением огляделась, но сказать ничего не успела, её опередил Садж.

– Что случилось? Почему мы здесь?

И следом прозвучал взволнованный голос Монжи:

– Что с детьми?

– Трансплантатор в шлюпке, – ответил на её вопрос Блуждающий. – Внизу – опасность.

– Я ничего не помню, – произнёс Радж, поднимаясь со своего места и подходя к видеопанели, в котором видны были лишь звёзды. – Я куда-то бежал во сне...

– Не ты один, – сказала Тонжа.

– Странно, и я тоже, – с удивлением произнёс Садж.

Блуждающий молчал.

Это была одна из немногих главных государственных тайн – управление через Кожу себе подобными. Этим умением обладали лишь члены Княжеского Пояса и Блуждающие. И эту тайну каждый из посвящённых хранил до конца своих дней.

– Какая разница, что снилось каждому, мы – в шлюпке, и внизу что-то происходит. Но что? – Силадж повернулся к Блуждающему.

– На нас напали, – ответил тот. – Что или кто, я не знаю. До рассвета мы будем в дрейфе, потом возвращаемся к исполнению программ.

– Опускаемся? – уточнил Силадж.

– Несомненно. Но не обязательно на прежнее место... А сейчас – отдыхать. До рассвета.

– Блуждающий, – обратился к нему Садж, – шлюпка не предназначена для многократных подъёмов. Щит днём возьмёт много энергии.

– Я помню об этом, – отозвался Блуждающий.

Он откинулся на своём ложе и закрыл глаза.

Скоро атмосфера напряжения сменилась расслабленным покоем...

С первыми лучами звезды – Сонжа – пробудился Блуждающий.

Ловя себя на недопустимой торопливости, он приоткрыл видеошлюзы и окинул взглядом останки лагеря. Окинул и понял, что был прав, подняв шлюпку. Кают-домов, защитных сетей, даже зелёной поверхности не было: внизу чернело большое углубление, словно нечто гигантское в неистовстве уничтожало следы их пребывания.

По очереди заглядывали в шлюзы остальные; кто на несколько мгновений, а кто и прикинув надолго, и молча отодвигались. Только Радж, не удержавшись, сказал:

– Когда трирог падает, углубление несравнимо больше...

– Трирог – один, – откликнулся Садж. – А если много, пусть даже не таких больших...

– Во всяком случае, это не следы оружия, – оптимистично произнёс Силадж. И сделал вывод: – Из разумных – мы, очевидно, одни на этой планете.

– Это радует, конечно, переселенцам будет проще... Но насколько они неразумны? – выразил сомнение Радж, пытаясь представить размеры ночных гостей.

– Не обязательно быть большим, чтобы творить разрушения, – сказал Блуждающий и приказал: – Всем по местам. Будем искать новое место.

Он включил обзорный экран, и теперь вся команда могла созерцать проплывающую под ними поверхность. Насколько хватало глаз, простиралась густая растительность. Отсюда, с более низкой, чем с корабля, высоты картина была иной: деревья – выше, кроны – не так плотны, водные рукава – шире, и всё вместе в лучах уже набравшего силу Сонжа слепило изумрудным, с блёстками, цветом.

Помедлив, Блуждающий установил курс на полюс, помня благодатность именно северной части родной планеты. Он первым увидел вдали вздымающуюся горную гряду, и возглас Тонжи отвлек его от созерцания приближающегося горизонта.

– Что это?

Он окинул взглядом более близкое пространство и увидел под шлюпкой, возле речного разлива, скопище чудовищ. Они ненамного уступали размерами детёнышу трирога, но совсем не были похожи на червеобразных и медлительных гигантов их планеты: казалось, среди деревьев вырос пучок гигантских живых растений, которые, раскачиваясь, тянулись вверх, раскрывая пасти, увенчанные зубами, способными пережевать даже их шлюпку. А над ними носилось нечто большекрылое, также никогда невиданное раджинцами. Рядом и ниже длинношеих передвигались приземистые животные, с торчащими во все стороны шипами, и ещё какие-то, помельче. И всё это сверху было похоже на страшный водоворот раскрытых пастей, обрубленно падающих шей...

– Это... охота... – выдохнул Радж.

Блуждающий открыл звуковой шлюз, и в шлюпку ворвался невообразимый гомон, предельно наполненный убийственной агрессией. И он тут же закрыл его.

– Охота на охотников, – уточнил Блуждающий, с трудом избавляясь от воздействия агрессивной энергии. – Это не разумная жизнь, но именно они – хозяева планеты.

Его готовили к тому, что в Космосе могут быть существа, выделяющие такой разрушительный заряд ненависти, против которого раджинцы бессильны. Его научили защищаться от неё, и он верил, что этого будет достаточно, но теперь начинал понимать, что эта защита может не выдержать...

Он ускорил движение шлюпки к гряде, убегая от увиденного в надежде найти безопасное место.

Здесь деревья стали ниже и тоньше, речные каналы сузились, чаще встречались открытые пространства. Но, подчиняясь необъяснимому чувству, истощая запасы энергии, Блуждающий вёл шлюпку к гребню; затем, когда вершины были рядом, направил её между двумя хребтами над долиной с бурной речкой, не идущей ни в какое сравнение со спокойными каналами Раджинга, и, следуя её изгибам, шлюпка скоро оказалась над котловиной, отрезанной снизу узкой горловиной уступов, с которых падала река, а сверху закрытой амфитеатром склонов.

Он положил шлюпку в дрейф, стал медленно раздвигать видеошлюзы, понимая, что на следующее экстренное бегство может не хватить энергии и, стараясь увидеть всё, что таится под кронами, за уступами, в воде...

Разлившаяся перед горловиной водная поверхность была спокойна, невысокие деревья стояли недвижимо. Он открыл звуковой шлюз и не уловил даже намёка на агрессию.

Блуждающий оглядел команду и принял решение.

-7-

Новый лагерь они устроили так же, как и прежний, только теперь с одной стороны сети защищали их от водной глади, а с трёх других – от менее высоких, чем на прежнем месте, деревьев, покрытых разноцветными плодами. Были среди них и те, что уже пробовал Силадж, но было и много других, разных по форме, размерам, цвету.

Трансплантатор решили пока не снимать со шлюпки, а сама шлюпка оказалась в центре лагеря. Прежде чем обустроиваться, проверили окрестности, но никаких следов не обнаружили. Да и звуков, похожих на слышанные на прежнем месте, ни в первую, ни во вторую ночь не было. Единственной опасностью оставались лучи Сонжа, которых здесь, под менее плотными кронами, было больше, как и освещённых мест, которых приходилось избегать.

На третий день, когда позади остались заботы обустройства, Блуждающий решил проверить состояние Саджа, хотя тот ни на что не жаловался и был даже энергичнее остальных. Тот равнодушно отнёсся к проверке, даже не поинтересовался результатами, хотя Блуждающий задержался в диагностирующей блоке, потому что результаты обследования его шокировали. По ним получалось, что Саджу не только не опасны, но даже необходимы теперь лучи звезды – Сонжа, что именно они поддерживают его энергетическую норму. Блуждающий просмотрел диагностические таблицы остальных: в меньшей степени, но такая же потребность теперь была у Силаджа и Тонжи...

Исходя из своих знаний, он не мог это объяснить. И ему не с кем было посоветоваться, вот уже два дня почему-то не было связи с кораблём. На Раджинге попадание лучей Звезды также вызывало энергетический всплеск, но он был настолько силён, что запускал процесс распада подобно их оружию, стигсу – стирателю генетических структур. Здесь же лучи Сонжа не разрушали, а видоизменяли клетки Кожи. Правда, он не понимал, к чему эти изменения могут привести. И было очевидно, что помочь понять это можно было, разрешив Саджу находится под лучами столько, сколько тот хотел.

Приняв это решение, Блуждающий вернулся в свою каюту, но не успел опуститься на ложе, как вдруг ощутил дрожь, исходящую от поверхности. Она нарастала, стены каюты начали изгибаться, а он удивлённо стоял, не понимая, почему не ощущает никакой агрессии, хотя вокруг происходило явно что-то опасное.

В следующее мгновение он выпрыгнул из каюты и увидел растерянно замерших возле шлюпки членов экспедиции и вздыбившуюся воду – с одной стороны и, казалось, падающие вниз горы – с трёх остальных.

– В шлюпку! – крикнул он, но не смог сделать и шага: вдруг всё под ним пошло волнами, он видел, как падали остальные, сползала к воде шлюпка, сминались домики-каюты, с треском разрывались защитные сети, и потом уже ничего не видел, кроме мутного пятна звезды – Сонжа, глядящего прямо в лицо...

И вдруг всё обрело устойчивость.

Блуждающий пошевелился, поднялся на четвереньках и, пока распрямлялся, понял: нет больше домиков-кают, сетей, нет шлюпки, и остались только они, собранные неведомой силой в центре обжатого глыбами пяточка, ничем не защищённые от лучей звезды-Сонжа.

«Дети?!» – услышал он крик и увидел, как по этим глыбам туда, где стояла шлюпка, спотыкаясь, падая, устремилась Монжа. Но тут вновь поверхность задрожала, дёрнулась, глыбы задвигались, а Монжа полетела вниз, распласталась рядом с Силаджем...

И вновь всё успокоилось.

Блуждающий нажал на бугорок подмышки, и, как по команде, все молча полезли по глыбам и застыли над тем местом, где стояла шлюпка. Но под ногами теперь были только глыбы, плотно уложенные, спрессованные, словно они вечно лежали на этом месте...

Блуждающий смотрел и привыкал.

Привыкал к тому, что у него не будет больше экспедиций, не будет заданий, но взамен – вот эта дикая планета, неведомые плоды и животные и неизвестно какое количество восходов и заходов звезды-Сонжа...

Он привыкал к этому, и вместе с ним привыкали остальные.

Потом он стал привыкать к потере так и не родившихся раджинцев, это было нужно прежде всего для Монжи, обладающей обострённым материнским инстинктом.

Так он исполнял предписание самой секретной инструкции.

Затем он нажал на бугорок и вместе с остальными опустил на жёсткие глыбы, не думая ни об опасных лучах, ни о будущем...

-8-

...Они умирали медленно.

По ощущениям Раджа.

Атлет и охотник, он с первого дня невзлюбил эту планетку. Он делал вид, что одобряет эксперименты Саджа и Силаджа, нелепое томление Тонжи, старавшихся понять этот незнакомый им мир, но внутренне смеялся над ними и с нетерпением ждал, когда шлюпка вернётся в уютный, привычный мир корабля. Теперь он был уверен в том, что нужно было после атаки зверей подняться на орбиту и ждать там корабль. Но Блуждающий поступил иначе и вот результат... Распластанный, слабый, каким себя не помнил, он лежал на плоской твёрдой поверхности и у него не было сил отползти в тень, спрятаться от жгучих губительных лучей. Он не чувствовал своего тела, своих мышц, которые так нравились его сокурсникам и всем без исключения женщинам на корабле.

Он лежал, иногда открывая глаза и видя в мареве одни и те же склоны, одну и ту же синеву над горами, и вдруг разглядел медленно поднимающегося Саджа, сомнамбулически вытянувшего руки, – от удивления нашёл силы привстать и проследить за неверными шагами

того... И закрыл глаза, когда Садж соскользнул с глыбы в воду; видно, не мог уже терпеть лучей, а значит, скоро и ему, Раджу, идти к своему бесследному исчезновению...

И решил, что этого никогда не будет, что он не исчезнет в изменчивой текучей среде, не поднимется с этого камня и со временем вращёт в него, останется в нём. И когда вернётся корабль, его впечатанное навечно тело смогут увезти на Раджинг, оно станет гордостью родных пенат...

Какой-то шорох послышался с той стороны, где умирала Тонжа, но глаза было не открыть... Радж проваливался во что-то мягкое и зыбкое и скоро забылся...

Очнулся он в темноте. Отметил, что видит испещрённое светящимися точками небо.

Неожиданно легко повернул голову в сторону раздавшегося шороха, и так же неожиданно без усилий опёрся на руки, вдруг ощутив пружину мышц; упёрся головой во что-то мягкое и услышал голос Тонжи:

– Поднимайся, Раджик, идём...

«Идём?» – хотел удивиться он, но не стал, это было незачем, потому что это происходило уже там, откуда не возвращаются.

И он послушно побрёл, вложив руку в конечность проводника.

И вдруг эта конечность оттолкнула его, и он полетел куда-то вниз, погрузился во что-то плотно облегающее и ощутил неожиданный прилив энергии, заставивший всё тело распрямиться, вырваться и взлететь, закричать:

– Радж!

И услышать в ответ:

– Да Радж ты, Радж...

И голос Силаджа:

– Ещё один.

И, выбираясь на берег, ясно, словно он не умирал, увидеть стоящих Силаджа, Тонжу, Саджа, Монжу, Аджу -живых, невредимых – и почувствовать, что он так же, как и прежде, ощущает свои мышцы, тело, а значит – живёт.

– Почему?...– только и нашёлся что сказать.

– Мы сами не знаем, – отозвался Силадж. – Но все прошли то же, что и ты.

– И ощущаем то же самое, – добавила Адж.

– А лучи?

– Садж был прав, они нам не опасны, – сказал Силадж. – Остался только Блуждающий...

Подхватив неожиданно лёгкое тело командира, они осторожно спустились к реке и опустили его в воду. Замерли в ожидании, но того, что было с каждым из них, не произошло: Блуждающий лишь немного дёрнулся, но сам выйти не смог. Силадж и Радж вытащили его на берег, положили на плоскую глыбу.

Глаза Блуждающего оставались закрытыми.

– Ты слышишь нас? – спросил Силадж.

В ответ последовал слабый кивок.

– Как ты себя чувствуешь, Блуждающий? – прильнула к нему Монжа.

– Не понимаю, что со мной, – после паузы отозвался тот. – Наверное, необходимо время... Нам нужна защита...

– Действительно, нам нужно найти более безопасное место, – сказал Силадж, возвращаясь к своей роли второго номера. – И я знаю, где оно.

Вереницей, которую замыкали Садж и Радж, поддерживающие Блуждающего, ведомые Силаджем, они поднялись к нише между двумя глыбами, небольшой, но закрытой со всех сторон. Через узкую щель вошли в неё и расположились возле стен, надеясь, что до утра смогут здесь отдохнуть.

Отдохнуть, чтобы потом жить.

-9-

Прошла раджингская неделя с того момента, как корабль покинул планету, на которую высадились седьмая экспедиция. Все попытки за это время связаться с Раджингом не увенчались успехом, но порядок на корабле оставался незыблемым. До следующей планеты для восьмой экспедиции было уже недалеко, и Князь Навигатор готовился к очередной высадке. Потом – ещё одна планета, на которой девятая экспедиция пробудет меньше всех по срокам, и корабль будет её ожидать на орбите, а затем начнётся обратный путь к дому.

Привычным распорядком началась новая неделя, но к концу дня обыденный ритм был нарушен сообщением Пилота о приближении странного космического объекта. Спустя некоторое время стало очевидно, что объект является продуктом цивилизации и движется по траектории, сближающейся с их собственной. Князь Навигатор обратился в Хранилище информации и получил скудные сведения о том, что сообщение о небесных телах подобного типа было зарегистрировано всего пару раз по докладам, поступавшим ранее с других кораблей, но объект от видевших был столь далёк, что, кроме очертаний и параметров движения, никакой информации больше не было.

Князь Навигатор попробовал в очередной раз связаться с Раджингом, но тот молчал.

Пилот доложил расчётные данные: скоро их траектории должны были пересечься на предельно допустимом расстоянии.

Князь Навигатор взглянул на расчёты и решил, что менять курс нет необходимости.

– При сближении или возникновении чего-нибудь неожиданного поставьте меня в известность, – сказал он Пилоту и вернулся в свою каюту.

Занялся изучением данных планеты для очередной экспедиции, ловя себя на неясном ощущении тревоги.

Ещё раз проанализировал полученную информацию о таинственном объекте: предыдущие встречи с ним носили пассивный характер, с траекторий не сходила ни одна из сторон. Скорее всего, это были космические вечные странники – неуправляемые космические объекты.

Он ещё раз просмотрел полученные материалы, вернулся к тому, над чем работал, – к плану высадки восьмой экспедиции. Но мысли возвращались к объекту и, не ожидая сообщения Пилота, он решил сходить в пилотский отсек.

На главном видеошлюзе объект был уже виден достаточно хорошо. Он чем-то напоминал их корабль, но был значительно меньше, имел более округлую форму. Траектория его движения оставалась прежней, и ещё раз уточнив расчёты, Навигатор вернулся к себе, приказав Пилоту всё время сближения набирать информацию и сразу же вводить её в Хранилище.

Заканчивался день, когда они вошли в точку наибольшего сближения с объектом, который, что теперь было очевидно, являлся искусственным сооружением.

Готовилась к отдыху свободная часть команды, члены оставшихся экспедиций и сам Навигатор, когда корабль потряс неожиданный удар. Отброшенный им к стене, Князь Навигатор успел включить видеошлюз, когда последовал ещё один удар, изменивший курс корабля.

– Управление беру на себя! – сообщил Князь Навигатор, закрепляясь в кресле перед видеошлюзом и дубль-пультом, одновременно отмечая устремившиеся к кораблю от неизвестного объекта извилистые энергетические лучи и включая усилители мощности Щита.

На этот раз удар был почти не ощутим. И только тут Князь Навигатор заметил, что объект изменил траекторию и по спирали раскручивается вокруг корабля. Он не успел осмыслить происходящее, потому что в видеошлюзе происходило непостижимое: объект стремительно поворачивался вокруг собственной оси и вдруг вновь замер, неожиданно устремился к кораблю, видеошлюз начало закрывать нечто тёмное, увеличивающееся в размерах. Князь

Навигатор вывел мощностъ Щита на предел, но это тёмное нечто неотвратимо надвигалось, и вдруг корабль дёрнулся, словно живое существо, а в видеошлюзе стало черно.

А потом наступили тишина и неподвижность.

Но через эту тишину уже прорывался неприятный звук, несущий смертельный заряд агрессии.

Князь Навигатор откинулся в кресле, чувствуя, как слабеет его тело, уходит воля, и сожалея о том, что никогда не узнает, что же это был за объект...

Завоеватели

-1-

– Мы их вскроем!

Судьбоносная, не сдерживаясь, ударила ладонью по панели управления.

– Жизнеутверждающая, бери Будару и эту пятёрку хрисов. – Она взглянула на экран абордажного захвата. – Гасители Жизни тебе не понадобятся. Эти раджинцы, после гибели их планеты, – лёгкая добыча.

– Подчиняюсь и исполняю!

Жизнеутверждающая отдала честь и вышла.

– Супергасительница, ты можешь отдыхать. До следующей удачи.

Судьбоносная вскинула открытую ладонь. Супергасительница ответила таким же жестом и покинула комнату совещаний.

Судьбоносная включила связь с Жизнеутверждающей.

– Всё, как и должно быть, – услышала она приглушённый голос. – Всё тот же Щит и никакого серьёзного оружия.

– Лёгкая добыча... Жаль, что мы не знаем, сколько их кораблей ещё бродит по Космосу, – сказала Судьбоносная.

– Всё живое здесь уже вступило в стадию распада, – сообщила Жизнеутверждающая. – Хрисы готовят транспортный тоннель. Навигационную программу я изъяла. Информационный блок, так же, как и на том корабле, недоступен...

– Лучше бы изобрели универсальное оружие, – буркнула Судьбоносная и приказала. – Оставь Будару старшим над хрисами и возвращайся.

– Подчиняюсь и исполняю! – в голос ответили Жизнеутверждающая и Будар.

Судьбоносная прошлась по каюте. Она была довольна. Поход был удачным, захвачен второй корабль, трофеи заняли большую часть глисера. Уже можно возвращаться на Абудар или идти сразу на Хрис. А если повезёт ещё, будет большой доход, можно будет приобрести второй глисер и стать Суперсудьбоносной...

Вовремя взорвалась планета этих раджинцев, и вовремя они нащупали их корабли в Космосе. Точнее, нашла она, будучи ещё рядовой Гасительницей. Сколько времени прошло... Но всё с пользой.

Когда нащупала, увидела – позавидовала обитателям той, взорвавшейся планеты – не сравнить было с её родным Абударом: скалистым домом, окружённым водой, всё время меняющим очертания, выплёскивающим из своих недр то огонь, то дым, то кипящую воду, безжалостно уничтожавшие всё, что пытались сотворить руки. Даже глисерные стоянки пришлось выносить на орбиту, а жилища передвигать по планете, исходя из прогнозных данных. И торговать приходилось с орбиты, пока не перенесли посадочную галерею на Хрис – нечто среднее между Раджингом и Абударом. Придёт время, и Хрис станет их планетой, планетой властелиниц...

Вошла Жизнеутверждающая.

Судьбоносная вопросительно посмотрела на неё.

Та прошла к дешифратору, вставила в него кристал с навигационной программой. На обзорном экране появилось изображение курса корабля раджинцев, прорезавшего череду неизвестных галактик.

Судьбоносная взгляделась и приказала:

– Наложил наш курс.

И, сравнив две линии, сходящиеся в одной точке, в которой они сейчас находились, задумчиво произнесла:

– Зачем они делали такой крюк?.. Может быть, там их база? Или богатая планета?..

Она шумно втянула воздух, отчего крылья носа хищно напряглись: стать владелицей планеты – это значит войти в когорту властителей Абудара. За всё время космических походов ей ни разу не повезло: мёртвые планетки, ещё не развившиеся или уже отжившие, оставались за кормой её глассера. Если бы она родилась раньше, когда нынешние властительницы Абудара наткнулись на галактику Исае и под носом у вялых хрисов завладели чередой мелких планеток с экзотической живностью, она бы обязательно была в их числе. Но она опоздала: ей не досталось даже захудалой планетки, сложенной из зеркального глиоцита, мода на который никак не придёт. И не везло потом – пока гонялась за раджинцами, глассеры других властительниц прочесали галактику Буд и пометили всё, что там было. Так, может быть, сейчас...

– Была остановка, – услышала она голос Жизнеутверждающей. – И масса корабля уменьшилась.

– Когда мы научимся вскрывать их блоки... – не выдержала Судьбоносная.

Жизнеутверждающая промолчала.

– Меняем маршрут, – после паузы приказала Судьбоносная. – У нас ведь ещё есть место для добычи, – добавила она, обнажив острые, мелкие, ослепительно белые зубы.

-2-

Большую часть времени команда глассера проводила в центральном отсеке, копирующим уголок Абудара: с буйной растительностью, водопадиком, бассейном, но без планетной тряски и гвалта обитателей воздуха. И здесь каждая из команды называлась своим именем. Жизнеутверждающая была Витой, Супергасильница – Сутой, Гасительницы – Рута и Зита. Что же касается мужчин, то их имена – Будар, Адар и Кадар – были одни и те же и на глассере, и дома. Вокруг бассейна стояли шатры: властительниц – возле водопада, исполнителей – на отдалении от них. Шатёр союзников-хрисов: Гасиса, Шиаса, Висаса, Басуса, Факаса стоял на другой стороне. У Судьбоносной был отдельный, закрытый от глаз уголок возле струй водопада и она не имела домашнего имени, оставаясь Судьбоносной, даже когда вместе с остальными властительницами подолгу плескалась в изумрудной воде.

В отличие от абударцев, хрисы воду не любили и предпочитали проводить время за изучением информации или придумыванием всяческих приспособлений. Порой это приносило пользу. За долгий период ими были усовершенствованы погрузочные коридоры для быстрой очистки захваченных кораблей, предложена рациональная схема компоновки трофеев, и даже водопад был превращён в удожественное полотно, меняющее цвет, звучание и направление падения воды.

Глассер шёл по заданному курсу, а здесь текла своя жизнь, похожая на жизнь на Абударе. Властительницы занимались физическими упражнениями, поддерживая форму, матово белея обнажёнными стройными и сильными телами, исполнители следили за состоянием систем жизнеобеспечения, союзников было не слышно и не видно, они редко выходили из своего шатра.

Перестав быть Жизнеутверждающей, Вита присоединилась к подругам, плавающим в бассейне. Гибкие тела скользили по водной поверхности, словно порождённые этой гладью, и лишь изредка властительницы перебрасывались фразами. Появление Виты внесло оживление.

– Рассказывай, Виточка, – подплыла к ней самая нетерпеливая, Рута: изящная, маленькая – у неё это был первый поход и она не могла сдержать любопытства. – Они были такие же, как исполнители или хрисы? Или лучше?

– Одно у тебя на уме...

Вита поднялась на бережок, опустилась в свою нишу. Остальные вышли следом, расселись в свои.

– Девочка созрела, – не удержалась старшая среди них, Сута, которая уже имела на Абударе детёныша, воспитывающегося сейчас в питомнике исполнителей.

– Они такие же распадающиеся, – сказала Вита. И добавила о том, что ей запомнилось и стояло перед глазами: – Их главный... У него было такое лицо, словно он совсем не испугался...

Она замолчала, решив, что не стоит расписывать, как выглядели остальные, обезображенные их атакой.

– Поня-я-тно, – протянула Зита, оглаживая широкие бедра: по возвращении домой ей предстояла первая встреча с элитным производителем, и она очень надеялась, что родит девочку, будущую властительницу.

– А других живых ты видела? – спросила Рута и затаила дыхание.

Вита задумалась, можно ли считать живым раджинца, который испускал дух на том корабле на её глазах.

– Их видела Судьбоносная, – сказала она.

И все примолкли. Судьбоносная была недосыгаема для расспросов, она была образцом для всех них, и у неё на планете не было никого, потому что она выбрала Путь Одиночества.

Как, впрочем, и Вита.

– Но похоже, нам предстоит интересное дело, – наконец не выдержала Вита и рассказала об изменении маршрута.

– И мы опустимся на планету?! – подпрыгнула Рута. – Хорошо если бы она была как наша деревня, только большая-большая и с большим озером, чтобы можно было долго-долго плыть...

И вдруг обхватила Зиту, потащила к воде. Остальные включились в эту игру, оглашая зал азартными криками, которые докатились и до хрисов, и до мужчин.

Первые отреагировали привычно: опустили антишумовую завесу и продолжали предаваться любимому времяпрепровождению – изучению информации. Вторые смотрели на резвящихся властительниц.

Все абударцы были из питомника исполнителей, их задачей было обеспечение этого веселья и беззаботности, походов, грабежей... Никто из них не знал своих матерей. Они были скопцами, хотя тоже не знали, что значит не быть ими. По слухам, которые циркулировали в каждом питомнике, где-то были питомники производителей, тех мужчин, которые оплодотворяли властительниц, и исполнители даже теоретически знали, как это происходит, но ни один из них, глядя на обнажённые тела женщин, ничего не чувствовал.

Они были похожи: невысокие, широкие, с сильными руками и большими неподвижными глазами, и отличались друг от друга лишь мышечной массой. Самый сильный – Будар, поэтому он был старшим, затем – Адар, с необычным для абударцев блеском глаз и, наконец, толстячок-добрячок Кадар.

Все трое мечтали об одном – оставаться рядом с Судьбоносной пока она не станет Суперсудьбоносной, войти в высшие круги исполнителей других супервластительниц и уже не мотаться по Космосу, а оставаясь на Абударе, принимать глассеры, распределять добычу и фактически править, пока властительницы стремительно догоняют растрченную в Космосе молодость.

– Мы меняем маршрут, – скупно обронил Будар.

Адар влопросительно взглянул на него. Кадар перестал чистить на плаще ромбики исполнителя.

– Пойдём по следу корабля раджинцев.

И опять Будар помолчал, прежде чем сообщить главное.

– Там – планета...

Планета – это была козырная карта в космической игре.

Планета – это удача, прекращение мотаний по Космосу, почёт, власть, богатство...

Они молча уставились на женщин, вновь усевшихся в свои ниши над бассейном.

Те тоже молчали.

И совсем не глядели в сторону мужчин.

Но все думали об одном и том же...

-3-

Судьбоносная чувствовала азарт охотника. Такой же азарт, как когда-то пережила совсем юной Гасительницей, перед вскрытием первого в её жизни корабля. Как и тогда, ей хотелось поторопить глассер, сократить ожидание, и забыв об уютном уголке у бассейна и даже о добыче с корабля раджинцев, у которой прежде проводила немало времени, она жила теперь в навигационной рубке, вглядываясь в Космос, в то место, куда упирался пунктир нового маршрута.

В этой стороне Космоса она не была и, если бы не раджинцы, никогда бы не побывала. По всем имеющимся данным, этот уголок мироздания был ещё очень молод, безжизнен и неинтересен. Но что-то заставило раджинцев зайти сюда и даже остановиться. И эта тайна волновала её и требовала разгадки...

Квелье хрисы... Сколько возятся, а никак не могут вскрыть информационный блок корабля. Она приказала им отложить блок с первого корабля и заняться только что добытым, в надежде, что принцип хранения информации в нём может оказаться другим. Но вот уже скоро окраинная галактика и та самая планета, а результатов никаких.

Связь с Абударом прервалась почти сразу после вскрытия первого корабля, слишком далеко отошли от дома.

Раджинцам было проще: вся планета – антенна. Но, в принципе, связь особо и не нужна, не принято на их родной планете помогать друг другу, разве что приглашать к совместному вскрытию, если добыча велика для одного глассера. Но такого случая Судьбоносная и не припомнит. Не вошедшую добычу предпочитали сбрасывать в Космос, чем поделиться с другими. Но сейчас она бы воспользовалась связью, – вдруг кто-нибудь сумел вскрыть хранитель раджинцев.

Терпение Судьбоносной иссякло за несколько дней до конечной точки: она объявила предштурмовую готовность и заставила всех тренироваться до изнеможения. Даже хрисов отстранила от их работы над информатором, гоняла нещадно, добиваясь, чтобы оружие в их руках представляло хоть какую-нибудь опасность. Есть ли там межпланетная база или нет, им всё равно придётся с кем-нибудь там встретиться и уничтожить, раджинцы не зря останавливались, а значит их ждёт сопротивление, в этом она была уверена...

...Это была планета, и она предстала перед ними в облачной опояске, маленькая и цветом отсюда, из Космоса, похожая на Абудар.

Прежде она насмотрелась на планету сама, направив глассер по орбите и выбрасывая разведочные буи.

Изучив данные, с трудом скрывала радость: по всем параметрам планета была хороша. Здесь можно было даже жить. И это была не какая-нибудь захудалая глиоценовая. С такой собственностью, пусть даже и отдалённой, ей обеспечено место в первой десятке Суперсудьбоносных...

Насмотревшись, наконец пригласила в рубку властительниц, дала им взглянуть на параметры, раскрыла ненадолго обзор и тут же отдала команду на посадку.

На бреющем полёте выбрала ложбинку между двух конусообразных вершин, просканировала грунт, размела лучом рыхлое основание и, с непривычки или от волнения, жёстко, но точно посадила глиссер.

– Подчинение и исполнение! – провозгласила, прежде чем разгерметизировать шлюз, и первой ступила на поверхность. Остановилась у трапа.

Тут же вперёд вышли мужчины, держа наготове метатели, потом хрисы и, наконец, властительницы, прикрывающие со всех сторон Судьбоносную.

На первый взгляд всё на этой планете напоминало Абудар: цвета, ландшафт, только фонтанирующих источников и озёр, которые в изобилии покрывали их планету, не было видно. Да растительность пониже, не столь изумрудная, небо посветлее, без привычной пелены, поднимающейся на Абударе от горячих источников. Вершины гор не источали белесого пара, и, может быть, от этого дышать было немного трудновато: Судьбоносной это напомнило сезоны засухи на Абударе, когда воздух там так же обжигает гортань.

Мужчины продолжали двигаться, расширяя круг безопасности, постепенно приблизились к склону ложбинки и замерли перед раскинувшейся панорамой: на горизонте упиралась в небосклон горная гряда, а от неё до того места, где опустился глиссер, тянулась ровная, покрытая густым лесом поверхность, с редкими, но всё же заметными проблесками водной глади.

– Как похоже... – прошептала Зита.

– Детекторы показывают наличие биомассы, – доложил Будар.

– В ближайших холмах есть необходимые нам ископаемые, – добавил Адар. И дрогнувшим голосом, после паузы, дополнил: – Очень редкие и... дорогие...

– Компоненты топлива, – возбуждённо произнёс Кадар. – Много. Прямо здесь, наверху, везде...

– Достаточно! Я поняла. – Прервала его Судьбоносная. – Общая оценка...

Она повернулась к хрисам. Те уже устанавливали монитор комплексной оценки планеты, на основе данных которой осуществлялась регистрация и которую Судьбоносная почти уже не надеялась когда-либо использовать.

– Сейчас...

Факас развернул датчики, часть направил в разные стороны, часть плотно прижал к поверхности, и на экране проявились символы.

Судьбоносная подалась вперёд, сжимая в нетерпении кулаки, и расширившиеся глаза выдавали её волнение...

Это был её звёздный час. Планета соответствовала высшей категории. Планета обещала ей попасть не в десятку – в тройку Суперсудьбоносных. Если, конечно, за время их отсутствия кому-то не повезло ещё больше.

– Достаточно. Сворачивайте.

Судьбоносная круто повернулась и быстрым шагом пошла к глиссеру. Ей не терпелось занести в судовый блок полученные данные, закодировать в передатчик сообщение о принадлежащей ей планете, чтобы, как только они войдут в радиус действия связи, без промедления передать на Абудар. И она не могла удержаться, чтобы уже сейчас не вообразить торжественный приём глиссера на родной планете – естественно, она пойдёт отсюда прямо домой, никакого Хриса, никакой торговли, никакой добычи, она выбросит всё в Космос, чтобы ускорить возвращение.

Она слышала позади торопливые шаги и шумное дыхание команды и знала, что теперь каждый из идущих следом готов будет умереть за неё. Кроме хрисов... Хорошо, она не станет выбрасывать добычу, отдаст союзникам как вознаграждение. Они неплохо проживут оставши-

еся им дни, если, конечно, по обычаю, не спустят богатство на какие-нибудь информационные новинки.

Вошла в шлюз, остановилась в камере очистки и, подняв руку, показала, чтобы никто за ней не шёл, бросила, не оборачиваясь:

– Жизнеутверждающая, подготовить на завтра планетоход для разведки.

– Подчинение и исполнение, – услышала, уже прикрывая перегородку, и стремительно прошла к кодирующему пульту.

-4-

Планетоход шёл в сторону гор, выжигая перед собой дорогу. Вёл его Будар. В смотровом куполе расположились Судьбоносная и Жизнеутверждающая, остальные, за исключением оставшихся в глассере Кадара, Висаса и Басуса, – в чреве серебристой, похожей то на змею, то на паука машины, сожалея о том, что ничего не видят.

Жизнеутверждающая периодически выстреливала вперёд разведочные буи и делала корректировку маршрута. Направление было выбрано перед выездом, на основе данных о наибольшей концентрации биомассы: Судьбоносная искала базу раджинцев. Сейчас это было главное: уничтожить противника, пусть даже осиротевшего, беспомощного, потерявшего родной дом. Уничтожить или покорить, заставить служить Суперсудьбоносной, владелице планеты.

За планетоходом оставалась обугленная полоса, – первая дорога среди девственных зарослей. Придёт время, она так и будет называться: Дорога Первых.

Судьбоносная глубоко втянула воздух, сдерживая возбуждение, расстегнула воротничок плаща. Она никак не могла привыкнуть к своему новому статусу. Окинула взглядом открывшееся впереди пространство, блеснувшую полосу воды.

– Приближаемся к источнику биомассы, – негромко произнесла Жизнеутверждающая.

– Проверить оружие, – приказала Судьбоносная. И, помедлив, добавила: – Увеличить скорость.

Она надеялась, что раджинцы не засеки глассер на орбите, и рассчитывала на внезапность. Это был риск: не были известны ни численность раджинцев, ни их вооружение, но Судьбоносная не хотела ждать.

Планетоход проскользнул оставшееся расстояние по свободному пространству, вонзился в последнюю перед водной гладью полосу деревьев, и Судьбоносная напряжённо подалась вперёд.

– Приготовить оружие! Открыть амбразуры! Огнемёты на боевую мощь!

Жизнеутверждающая накрыла купол защитой, отчего всё вокруг стало тёмно-коричневого цвета.

Планетоход выжег последние деревья и вылетел к воде.

– Киль! – крикнула Судьбоносная.

Будар коснулся панели, несущие направляющие втянулись в выползший киль, и планетоход с маху врезался в гладь и в нечто, вдруг вырастающее из неё, огромное, непонятное.

– Предел биомассы! – услышала Судьбоносная крик Жизнеутверждающей.

И в следующее мгновение оглушающий рёв на мгновение упредил удар, от которого привязные ремни без пощады, словно безжизненных манекенов, вжали их в сиденья, и всё завертелось: планетоход словно уподобился глассеру, выходящему на орбиту, чтобы уже в следующее мгновение рухнуть всей своей массой в хлюпающее месиво, и вновь, под ужасающий невообразимой ненависти трубный рёв, отлетел в ту сторону, откуда только что появился...

...Судьбоносная пришла в себя.

Голова раскалывалась, перед глазами плыли разноцветные круги. Первой осознанной мыслью было: она что-то не учла, недооценила раджинцев и их оружие. Это было невероятно: надёжность планетохода проверена и перепроверена на многих планетах. В столкновениях с

любой живой силой властительницы под его прикрытием и с помощью своего оружия всегда побеждали.

Круги исчезли, остались только звон и боль.

Рядом застонала Жизнеутверждающая. Судьбоносная, не поворачиваясь, скосила глаза в её сторону, потом перевела взгляд на купол: цвет наклонившихся деревьев был зелёным, значит, защита уничтожена, планетоход лежит на боку; и то, и другое не должно было произойти, но произошло, и они теперь беспомощны.

– Повинуюсь и исполняю, повинуюсь и исполняю... – донёсся из глубины планетохода слабый неразборчивый голос.

Чей, она так и не смогла понять, накрыла ладонью рычаг аварийного развёртывания, помедлила, окидывая взглядом успокаивающуюся поверхность воды, и опустила ладонь. Верх планетохода стал отходить и вдруг заскрежетал, замедлил движение, во что-то упёршись, – застыл, не преодолев препятствия, оставив щель, в которую с трудом можно было проползти.

Рядом зашевелилась Жизнеутверждающая, в полутьме позади постанывал кто-то из властительниц.

– Эвакуация, – нашла в себе силы произнести разбитыми губами Судьбоносная. – В боевой готовности. – И, устало откинувшись, стала ждать.

Жизнеутверждающая непривычно медленно, неловко поползла к щели, выставив метатель перед собой, наконец исчезла, и следом поползла Супергасительница, держа левой рукой метатель и неловко подтаскивая безжизненную правую. За ней, не скрывая гримасы боли, – первая Гасительница, затем вторая... Судьбоносная терпеливо ждала и, как положено, выползла лишь за ними. Встала на ноги, преодолевая сгибающую боль, и, защищённая с четырёх сторон властительницами, слыша шорох позади в искорёженном планетоходе и не отмечая никакого движения перед собой, огляделась.

Молчала она, молчали все остальные, следя, как покидают планетоход мужчины, затем хрисы, и ожидая сигнала Жизнеутверждающей о том, что все в сборе.

– Союзник Шиас?.. – вопросительно произнесла та.

Раздавшийся голос был слаб и неузнаваем и произнёс неожиданное:

– Мёртв.

– Состояние планетохода? – спросила Судьбоносная.

– Степень восстановления – в возможностях глиссера, – ответил Будар.

Позади кто-то застонал.

Судьбоносная обернулась. С трудом узнала в окровавленной маске лицо хриса Факаса. Скользнула взглядом по остальным: властительницы, как и положено властительницам, уже приходили в себя. Будар тоже был в норме, стоял сбоку, одной рукой сжимая метатель, другой поддерживая перегнувшегося Адара.

– Информация от каждого...

– Предел биомассы, затем серо-зелёное вздутие над водой, – доложила Жизнеутверждающая.

– Огромные глаза или что-то похожее на них... Плотная и бугристая, с блестками, кожа, – добавил Будар.

Остальные молчали. Они ничего не видели.

Судьбоносная думала. Если это не оружие, значит, что-то крупнее самого крупного из животных, о существовании которых она знала.

– Связь с глиссером прервалась, – сказал Будар.

– На каком мы расстоянии?

– Без планетохода – два дневных местных периода.

– Что это? – раздался голос Гасительницы Руты.

Судьбоносная проследила за её взглядом: вода, которая таила в себе неизвестное чудовище, стремительно уходила, обнажая обрывистый склон, издавая какой-то чавкающий и одновременно свистящий звук. Она сделала несколько шагов, опередив Жизнеутверждающую, но так и не успела увидеть, что происходит; оглушительный треск вдруг расколол тишину, в спину ударил порыв ветра, от которого она еле удержалась на ногах, и потемнело. Она обернулась и замерла: над вершинами, в ложбинке между которых остался глассер, поднимались вверх два непроглядных столба дыма, пронизанных всполохами. Они разрастались, закрывали небо, вытягивая за собой жгуче-красные, тонкие, но всё более утолщающиеся огненные языки, которые начали окрашивать склоны в нестерпимо яркий цвет; и тут их сбил с ног новый порыв ветра, и Судьбоносная почувствовала, как уцепились за неё множество рук, и, не видя, знала, что сейчас они все представляют собой единую, намертво сцепленную живую массу...

Напор ветра тут же ослаб, и теперь над ними перекачивались валы горячего воздуха, обжигающего открытые части тела и затрудняющие дыхание. Всё так же крепко сцепив руки, они стали передвигаться к планетоходу, в подветренную сторону, и наконец остановились под его прикрытием.

Судьбоносная пыталась понять, что происходит, и не могла сосредоточиться: с виднеющихся вершин стекали огненные потоки. Туда, где остался глассер...

Рядом, прикрывая её своим телом от жара, громко, со свистом, дышал Будар. Ей показалось, он пытается что-то сказать. Она подвинулась к нему ближе и услышала:

– На Абударе..., я изучал, это называется «извержение» – огонь, пожирающий планету...

И Судьбоносная вспомнила: да, так было на их родной планете, но очень и очень давно. И так было – она знакомилась с донесениями – на планете Сигма-Пси, на которую никто не осмелился высадиться. Но там не было растительности, там невозможно было дышать...

– Связь, – прошептала она на ухо Будару, но тот лишь отрицательно качнул головой.

Горячий воздух всё ещё продолжал накатываться, но вокруг посветлело. Судьбоносная взглянула вверх: облако ушло в сторону хребта. Прикрывая лицо полостью плаща, она встала во весь рост, поддерживаемая поднявшимися властительницами, и посмотрела туда, где остался глассер. И впервые за все годы странствий ощутила страх: вершины до самого низа багрово-рдели раскалённой массой, а дальше горели деревья, и этот огненный круг стремительно расширялся.

Она развернулась: там, где только что была вода, сейчас раскрылась глубокая впадина, и лишь в отдалении виднелась блестящая поверхность, длинным языком уходящая в сторону гор.

– Судьбоносная? – вопросительно произнесла Жизнеутверждающая. – В планетоходе есть аварийный запас...

– Забрать всё и подготовиться к движению!

– Повинуюсь и исполняю! – нестройно ответили все, кроме хрисов, и скоро стояли перед ней с походными укладками за спинами, оружием в руках.

Судьбоносная ещё раз взглянула вперёд: склоны вершин потемнели, огненное кольцо тоже вроде перестало расширяться.

– Походное построение! – приказала она. – В полной боевой готовности.

Будар вышел вперёд, за ним – Жизнеутверждающая, Супергасительница, Судьбоносная... Замыкали колонну хрисы и Адар. Судьбоносная скомандовала, и они тронулись в обратный путь по выжженной просеке, что должна была стать Дорогой Первых.

-5-

Судьбоносная даже не могла представить, какой трудной может быть эта дорога. Из купола планетохода выжженная полоса казалась гладкой и пригодной для прогулки, сейчас же каждый шаг отдавался во всём теле болью и, отойдя совсем недалеко от планетохода, они вынуждены были остановиться и воспользоваться стимуляторами. Они притупили боль, при-

дали сил, отогнали страхи, – но лишь на время; теперь же, когда оставшийся позади планетоход не был виден, а до глассера было ещё далеко, вернулась боль, напоминающая о себе на каждой неровности. А их оказалось немало: не сгоревшие до конца деревья, выступающая горная порода, рвы... А перед глазами – раздражающе колышущаяся спина идущей впереди Гасительницы.

Будар, возглавляющий колонну, уже несколько раз сбивался с темпа, но Судьбоносная не делала замечаний и даже, наоборот, радовалась заминкам, позволяющим перевести дыхание.

Воздух был всё так же горяч, к тому же удушлив от расплзшегося дыма, но видимые склоны вершин уже утратили огненную яркость, стали чёрными. Звук их дыхания перекрывал любые другие, хотя как только отошли от планетохода, они ещё слышали наполненные паникой отдалённые голоса неведомой жизни.

Прямая линия выжженной полосы шла постепенно на подъём, и Судьбоносная начинала понимать, что нужен отдых, что за два местных дня, если сейчас не восстановить силы, они не дойдут, и когда наконец Будар поравнялся с намеченным Судьбоносной раскидистым деревом, она скомандовала остановку.

Как и положено, Жизнеутверждающая тут же расставила властительниц охранять Судьбоносную, мужчины с помощью хрисов занялись обустройством лагеря: прежде всего разложили вокруг взрывательный шнур, затем установили два мощных автоматических метателя – всё, что находилось на планетоходе из тяжёлого вооружения, и в центре, чтобы был обзор во все стороны, раскинули большой походный шатёр, разделённый на три круга: внутренний – ложе Судьбоносной, следующий – властительниц, наружный – для мужчин и хрисов.

Местное светило уже спряталось за тяжёлые, скопившиеся на горизонте тучи, темнота всё плотнее обжимала шатёр, в котором раздавалось дыхание усталых путников. Они ушли в забытие каждый по-своему: Судьбоносная с мучительным вопросом – что с глассером; Жизнеутверждающая – напряжённо вытягиваясь и сжимая метатель, всё ещё видя чудовище, вырастающее перед планетоходом; Супергасительница убегала от боли, пока не забылась; Гасительница Рута, не привыкшая к трудностям, молча плакала. Будар уснул сразу, без мыслей и сновидений и проснулся, когда пришла его очередь заменить охранявшего лагерь Адара. Что же касается хрисов, то они долго не засыпали, стараясь придумать, как быстрее добраться до глассера, но так ничего и не придумали.

Всех вместе их поднял грохот, обрушившийся на шатёр. Правда, в его звуке было нечто знакомое, и каждый с радостью воспринял слова Будара:

– Дождь.

Тяжёлые тучи принесли дождь. Хотя это было слишком мягко сказано – то, что увидела, выглянувшая из шатра Судьбоносная, напоминало гигантский водопад. Дождь – явление привычное на Абударе и приятное абударцам, но это было нечто иное: водный поток падал сверху, стекал вниз по склону, и просека уже превратилась в мелководную реку. Зато гораздо легче стало дышать, все почувствовали себя бодрее и первые шаги по щиколотку в этом потоке сделали в хорошем темпе.

Все понимали, что нужно двигаться как можно быстрее – вода прибывала, поток набирал силу, неся обломки деревьев, грязь и даже мелкие куски породы. Судьбоносная приказала меняться идущим впереди Будару, Жизнеутверждающей и Супергасительнице. Теперь темп не спадал, но вода поднималась стремительнее. Скоро она была уже по колено, идти стало трудно, хрисы заволновались; в отличие от абударцев они не любили находиться долго в воде.

– Быстрее, – поторопила Судьбоносная.

Идущая впереди Жизнеутверждающая прибавила шаг, и Адар подтолкнул промедлившего Факаса в спину.

– Давай быстрее, если утонуть не хочешь...

Судьбоносная стремилась подняться по склону как можно выше, прежде чем забираться на деревья и пережить непрекращавшийся дождь. Она чувствовала себя гораздо лучше, чем вчера, и знала, что так же ощущают себя все остальные властительницы и абударцы. Состояние хрисов её не интересовало, при необходимости можно было союзников бросить.

Темп не падал, но не переставал низвергаться и небесный водопад, они уже с трудом шли почти по пояс в воде. И вдруг, словно наверху перекрыли задвижку, дождь перестал. Сразу стало светло; поток ещё урчал, но всё тише и тише, стал уменьшаться на глазах, постепенно превращаясь в узкие шепчущие струйки.

Супергасительница, идущая впереди, остановилась, и вся колонна встала.

– Планетка! – не удержался молчаливый Гасис. – Сплошные сюрпризы.

И его голос разрядил напряжение, заставив на мгновение забыть страхи, и все заговорили наперебой:

– Для туристов будет архиинтересно.

– Да, экстремальная экзотика.

– Совершенствовать и усовершенствовать, – серьёзным тоном произнёс Факас, вызвав смех разрядки.

– Вперёд! – прервала истерическое веселье Судьбоносная, и вновь колонна устремилась вверх по просеке.

...За светлый период они прошли много, но так и не достигли подножья, хотя оно было уже рядом.

Разбивали ночлег в сумерках, на подсушенном лучами светила и превратившемся в крепкую корку то ли дне бывшей реки, то ли будущей дороги. На этот раз заснули все без мучительных мыслей. А на рассвете уже шли к глассеру, надеясь и боясь, и когда поднялись в ложбинку, увидели чёрную породу, покрывшую всё, что здесь было прежде, из последних сил побежали к месту, где оставили глассер, ещё не веря в случившееся, но бесформенная глыба при приближении всё чётче обретала знакомые очертания, и когда замерли подле, уже ни у кого не было сомнений: глассер не успел взлететь, и теперь всё, что осталось от него, от Кадара, Висаса и Басуса, выглядело громадой обугленного остова того, что было их прошлым и будущим.

Гасис и Факас опустили на колени, склонили головы.

Будар и Адар молча подняли вверх метатели.

Властительницы обошли останки кругом, и Судьбоносная, понимая, что медлить нельзя, выпалила то, что подготовила заранее, но совсем не думала, что придётся это говорить:

– Это планета Властительниц. Я – Суперсудьбоносная, представляю на ней Власть и Долг.

– Подчинение и исполнение! – нестройно отозвались остальные.

– Я объявляю с этого мгновения порядок Абудара. Я объявляю Долг: выжить, владеть и ждать. Я объявляю Целесообразность: найти базу раджинцев. Я объявляю Необходимость... – она помедлила, – хрисов перевести в род производителей... – Добавила после паузы, бросив взгляд на удивлённых властительниц: – на стадии резерва... Я объявляю Веру во славу Абудара.

– Подчинение и исполнение! – уже более чётко и стройно отозвались её подчинённые.

– И последнее, – не столь возвышенно добавила Суперсудьбоносная. – Пусть отныне у всех будут домашние имена.

Стало тихо.

Домашние имена звучали только на Абударе и в деревеньке на глассере. Там, где всё было своё, где был дом.

Суперсудьбоносная требовала признать домом эту планету кошмарных сюрпризов.

– Подчинение и исполнение! – первой отозвалась Жизнеутверждающая Вита, и за ней – каждая из властительниц, мужчины и хрисы.

– Власть и Долг! – подвела черту Суперсудьбоносная.

-6-

...Ночью Рута плакала вслух. Это было непрослительно для властительниц, но Суперсудьбоносная сделала вид, что ничего не слышит. Руту успокоила Вита. Успокоила, как в детстве это делала нянечка в питомнике: нахваливая и рисуя картины будущего властительницы, к тому же приближённой Суперсудьбоносной. В этом радужном будущем Руту ждало обязательное триумфальное возвращение на Абудар, встреча с прекрасными суперпроизводителями, блаженство и развлечения и, наконец, собственная выношенная ею наследница, маленькая властительница.

Слушая Виту, убаюкивалась и Суперсудьбоносная, заряжаясь верой в то, что именно так всё и будет. Верили в это и, также не спавшие, Сута и Зита.

Будар и Адар, прижавшись друг к другу, сидели за шатром, поставленном на ночь недалеко от погибшего глассера. Они не слышали голоса Виты, а прикидывали, как защитить и накормить властительниц. Они слышали в ночи далёкие и неясные звуки зверей и надеялись, что те окажутся пригодными для еды. Как и плоды, которые попадались в бурлящем потоке.

Гасис и Факас, неожиданно возведённые в ранг производителей и тем самым приближённые к властительницам, обсуждали не столько это событие, сколько гибель своих товарищей. У них не было привычки союзников-абударцев к одиночеству в Космосе, способности тех выживать и их равнодушия к смерти. Хрисы страдали не только от воды или холода, но и от потерь себе подобных. С их точки зрения, уровень развития властительниц был примитивно-агрессивным. Все новинки, что начинали сегодня глассеры, были сотворены мыслью и руками хрисов. Возведение в ранг производителей их скорее унижало, но привыкшие принимать всё происходящее как должное, они довольно быстро нашли успокоительные ответы на все вопросы, возникшие в связи с последними событиями: такова была их судьба, и как бы она ни складывалась в дальнейшем, ничего изменить нельзя...

Утро наступило светлое и тихое, словно не было извержения, ливня, а чёрные горы и обугленные деревья изначально были такими. Перекусив запасами, которые забрали в планетоходе, и свернув шатёр, оставшиеся в живых замерли у остова глассера.

– Это первый памятник на нашей планете, – сказала Суперсудьбоносная. – И это место нашего паломничества в будущем.

И скомандовала начать движение.

На коротком утреннем совете с властительницами она изложила свой план: прежде всего найти базу раджинцев. И сейчас, без планетохода, необходимого оборудования, она могла рассчитывать только на интуицию.

Из скудных данных она знала, что для посадки шлюпки раджинцев нужно было открытое, но в то же время обязательно рядом с густой кровлей растительности, пространство. Лучей светил они избегали. По этой причине маловероятно было, что они опустились в той части планеты, где лесистая поверхность была не такой густой.

Водные пространства, занимающие большую часть планеты и своими размерами поразившие даже Суперсудьбоносную, раджинцев привлечь не могли: на их погибшей родине воды было не так много, и они её побаивались ещё больше, чем хрисы. На её взгляд, сектор поиска можно было ограничить горными грядами с севера и безбрежьем водоёмов с юга. Без глассера и планетохода поиск мог занять несколько сезонных оборотов этой планеты. Но выбора не было. Да и спешить теперь было некуда. Суперсудьбоносная надеялась, что аварийный буй, автоматически выброшенный в Космос в момент катастрофы, начал подавать сигналы, но когда ещё в этот уголок Вселенной залетит глассер?.. Она больше уповала на свою интуицию и немножко на то, что, освоившись, хрисы что-нибудь придумают.

Пока же она выбрала то направление, которое указывала дорога Первых.

Путь вниз был легче и занял меньше времени.

К середине следующего дня они уже были возле занесённого мусором и породой, но оставшегося на месте, планетохода. Здесь решили задержаться, разбив лагерь. Перед ними опять была водная гладь, с трудом верилось, что под нею – крутые склоны и что недавно вода уходила отсюда. Как и в то, что там, внизу, таится неведомое чудище, одна из причин их несчастий.

Будар советовал расположить шатёр дальше от воды, но Суперсудьбоносная не хотела показывать слабость абударцев, хотя бы и чудовищу, и к его словам не прислушалась.

Тогда Будар предпринял свои меры, развернув зажигательный шнур и направив в сторону воды закреплённый на планетоходе огнемёт. Правда лежащий на боку планетоход с выведенным отверстием оружия выглядел не столько грозно, сколько жалко. Управлять же огнемётом с места гасительницы было невозможно, поэтому Будар поставил его на максимальную мощность первого заряда, а хрисы настроили дистанционное включение.

Сделав всё возможное на случай неожиданного появления врага, Будар и Адар решили попробовать золотистых круглых плодов, росших на раскидистых деревьях. На вкус они напоминали абударские яблоки. Тем не менее Суперсудьбоносная пока запретила их есть остальным.

Гасис и Факас оставшуюся часть светлого времени провели в планетоходе, демонтируя всё, что, на их взгляд, могло понадобиться и что можно было демонтировать. По дороге они не оставляли надежды, что найдут способ восстановить планетоход, но поток нанёс непоправимый ущерб: вышли из строя энергетические установки, и теперь планетоход превратился в неподвижное сооружение искусственного происхождения.

Сожалея, но понимая, что всё не унести, хрисы брали только то, что может представлять интерес в создании приспособлений, потребляющих естественные виды энергии.

Вечером Суперсудьбоносная определила дальнейший маршрут: вдоль водоёма, в сторону горной гряды. Это займёт несколько дней. Затем придётся идти в другую сторону, и так – зигзаг за зигзагом, пока не выйдут на базу раджинцев. Она понимала, им придётся непросто, нужно научиться жить на чужой планете: защищаться от неожиданностей, добывать пропитание и найти, обязательно найти раджинцев.

Сообщив о направлении движения и первоочередных задачах по выживанию властительницам, она вышла из шатра и стала изучать звёздное небо. Это была чужая галактика. Она знала, что галактика Маг и их родной Абудар находятся за правой верхней звездой четырёхугольника в северной части неба, но, как ни всматривалась, так и не увидела привычной картины Космоса. На севере выбрала одну, сбоку от четырёхугольника, яркую звезду, первый ориентир. Запомнила расположение звёзд в остальных сторонах: теперь придётся по ним сверять свой маршрут на поверхности планеты.

Прошла к хрисам, разбирающим снятое с планетохода оборудование.

– Нам нужен биорадар, – сказала она. – Самый примитивный.

– Мы тут кое-что сообразили, – отозвался Гасис. – Но с малым радиусом действия. – Он протянул чёрную пластину.

Суперсудьбоносная не стала притрагиваться, только уточнила:

– Каким радиусом?

– В пределах короткого перехода, но... – Он помедлил. – Энергии всего на полдня... Мы думаем, что со временем сможем использовать естественную энергию...

– Как скоро?

– Пока не можем сказать.

– Включайте только по необходимости и ненадолго, – приказала Суперсудьбоносная и вернулась в шатёр.

...На рассвете, нагруженные всем, что посчитали необходимым забрать, вереницей вошли под густые кроны девственной растительности: Будар – впереди, следом Вита, Сута,

Суперсудьбоносная, Зита, Рута, Гасис, Факас, и замыкал колонну Адар. С любопытством и настороженностью приглядывались к мощным членистым или покрытым мшистой порослью деревьям и пружинящей под ногами поверхности. Здесь было ощутимо влажнее. Факас включил биорадар: источников биоэнергии не было.

– Быть всем внимательнее, оружие держать наготове, – тем не менее приказала Суперсудьбоносная.

Они шли, с удивлением отмечая безжизненность планеты. Биорадар молчал, хотя какая-то мелкая живность разбегалась при их приближении, они слышали шуршание, иногда попискивание, но биомасса животных была столь мала, что не воспринималась радаром.

Иногда им встречались деревья с незнакомыми плодами. Яблоко, или то, что походило на них, они больше не видели, новые же плоды решили пока не пробовать.

Суперсудьбоносную беспокоило отсутствие белковой пищи: запасов концентратов хватит не более чем на пару десятков дней. За это время необходимо определить, что можно и что нельзя употреблять, что станет им пищей на долгое время. Пусть этим займутся Будар и Адар, решила она, разрешив им пробовать всё, что захотят, из плодов.

...На следующий день опять поднялись рано, быстро собрали шатёр и продолжили путь. Растительность постепенно становилась гуще, поверхность всё так же была влажна и пружиниста.

Чем выше поднималось светило, тем душнее становилось, и это напоминало климат в заповедниках Абудара. Втягивая этот чем-то неуловимо знакомый запах, Суперсудьбоносная подумала, что и живность здесь должна быть похожей, но сколько ни вспоминала – кроме ярких, прыгающих с ветки на ветку птиц, ничего из своих посещений заповедников припомнить не могла. Что же водилось на Абударе в древние времена? Она задала этот вопрос вслух.

– Было что-то крупное, из съедобных помнится название – «вепрь»... – отозвался после паузы Гасис. – Это довольно большое животное...

– Ты ведь не был на Абударе, откуда знаешь?

– Я изучал информацию... Были ещё водоплавающие и живущие в воде и всяческие съедобные растения... Как яблоки... И много других.

Они замолчали, преодолевая болотистый участок...

Ближе к полудню испарения образовали сероватую дымку, поднимающуюся почти по грудь самой низкорослой из них, Руты. Будар пошёл медленнее, вглядываясь под ноги.

– Неужели ничего живого нет? – не выдержала Суперсудьбоносная.

Факас настроил радар.

– Ничего, – сообщил он. – Но у него маленький радиус...

– Я помню, – оборвала Суперсудьбоносная и уже больше вопросов не задавала.

...Ещё два дня они шли под кронами тенистых деревьев, постепенно отдаляясь от водоёма. И только на третье утро биорадар заработал. К этому времени они вышли на поверхность уже не чавкающую, а покрытую густой и высокой зелёной растительностью, деревья стояли здесь реже и были выше, испарения исчезли, воздух стал суше и, напоённый множеством запахов, бодрил.

– Впереди масса почти соответствующая нашей суммарной... – Сообщил Факас, вглядываясь в показания радара.

– Опять монстр... – Ноздри Суперсудьбоносной хищно раздулись. – Но теперь мы готовы к встрече. И это наша планета.

Она вытянула руку.

По этой команде все перестроились в атакующий треугольник: на острие, впереди – Вита с поднятым метателем, слева от неё – Рута, справа – Зита, чуть позади – Сута, прикрывающая собой Суперсудьбоносную, и позади веером – Будар, Адар и Гасис с Факасом.

Стараясь не ломать порядок, они лавировали между деревьев, пристально вглядываясь во все стороны, и наконец увидели, почти одновременно, то, что пока называлось биомассой: большое животное с загнутым вверх рогом, стоящее на четырёх массивных ногах и глядящее в их сторону. В этом взгляде и позе не было страха или агрессии, а лишь удивление. Животное возвышалось над ними, так что прежде всего в глаза бросалась складчатая, словно сложенная из пластин кожа под массивными и широкими челюстями, по которой стекала белая жидкость.

– Вскрываем! – приказала Суперсудьбоносная, и метатели выбросили огненные шары, с шипением вошедшие в эти складки.

Что-то забулькало в безобразной, становящейся дырявой шее, с выражением удивления животное рванулось вперёд и с грохотом упало, едва не достав рогом замершую Виту.

– Мы – сильнее! – выкрикнула Суперсудьбоносная девиз победы и вскинула сжатый кулак.

– Мы – сильнее! – выплеснули эмоции остальные.

Будар первым шагнул к поверженному гиганту, ударил ногой по лежащей туше. Раздался жёсткий звук.

– Явно несъедобный зверь, – констатировал он.

Гасис тоже подошёл к животному, постучал своим оружием по пластинам.

– Но вполне может пригодиться, – глубокомысленно изрёк он и попытался оторвать пластину.

Та поддавалась с трудом, помог Будар.

– Понадобится? – поинтересовалась Суперсудьбоносная.

– Надо проверить, – задумчиво отозвался Гасис, разглядывая пластину.

– Но у нас другая цель, не будем задерживаться... – Поторопила Суперсудьбоносная.

– Думаю, мы шли по зоне затопления, – говорил Гасис, пока выстраивались в походную колонну. – Поэтому ничего и не встречалось. Теперь животных должно быть много.

И словно подтверждая его слова, раздался голос Факаса, включившего радар.

– Биомасса слева, слабый сигнал...

– Не отвлекаемся, – сказала Суперсудьбоносная. – Нас интересуют раджинцы или всё, что по объёму не меньше нас...

И они двинулись дальше.

В просветах между деревьями уже виднелась гряда, первая точка поворота, и Суперсудьбоносная надеялась к темноте достичь её, но не успели они отойти от туши зверя, как над головой раздался наводящий ужас крик и большая тень стремительно накрыла их; она даже не успела отдать команду, и никто не успел нажать скобу метателя. Тень ушла, подняв ветер, и что-то упало вниз в той стороне, где остался зверь. И вновь раздался наводящий жуть крик.

– Здесь и летают гиганты, – первым нарушил молчание Будар.

Со стороны, где осталось поверженное животное, доносились скрежещущие звуки.

Вдруг новая тень накрыла их, опять не успевших отреагировать, и исчезла в той же стороне, где прежняя, и снова донёсся звук сильного удара, словно рухнуло большое дерево, а следом – удвоенной силы, несущий злость и страх одновременно, крик.

– Вперёд! – приказала пришедшая в себя Суперсудьбоносная, уже догадавшаяся, что происходит. – Будар, наблюдать за воздухом. Внимательность всем. Планетка не так уж и безжизненна... И беречь заряды, нам они ещё понадобятся, когда найдём раджинцев.

Но она уже догадывалась, что беречь будет не так просто.

-7-

Прошло немало дней. Уже далеко позади остался водоём, горная гряда постепенно переросла в хребет, соединяющийся на горизонте с горной страной. Перерезанный водными потоками лесной массив, по которому они шли, кишел зверьём всех мастей и размеров. За это

время они многому научились. Прежде всего – по возможности избегать встреч с гигантами, которых, к их счастью, было всё же не так много, и, кажется, они перевидали всех: и длинношеих травоядных, способных раздавить одной лапой или ленивым движением хвоста, и остро-зубых и безжалостных летающих хищников, от которых могли защитить только деревья, и коварных плотоядных, пытающихся порой даже преследовать их. Научились добывать пропитание. Вначале плоды, из которых большинство оказалось съедобными, затем и некрупных зверей. Некрупных, если сравнивать с гигантами, но вполне соизмеримых с их собственным ростом.

Первым зверем, которого они решились отведать, стало парнокопытное животное, которое, как вспомнил Гасис, напоминало древнее животное Абудара под названием «бык». Мясо оказалось съедобным, и даже с неплохими вкусовыми качествами. Попробовали ещё извивающегося ползучего гада, но он не понравился. Из летающих съедобного пока не встречалось, но особой нужды в этом и не было и остатки концентратов на всякий случай Суперсудьбоносная приказала не трогать как неприкосновенный запас.

Такой же неприкосновенный запас был сделан и из зарядов метателей.

Несколько дней Суперсудьбоносная присматривалась к пневматическому оружию, придуманному хрисами, которому не очень доверяла. Но извивающегося гада поразил Гасис – маленькой острой иглой, обработанной специальным составом из растений. Эти снарядики можно было изготавливать и из пластины, которую Гасис снял с первого животного.

А скоро им предоставилась возможность проверить силу оружия хрисов на быке. Эффект превзошёл ожидания: бык рухнул как подкошенный, хотя другой после поражения из метателя сделал несколько шагов. С этого момента Суперсудьбоносная приказала добывать пропитание только оружием хрисов.

Сложнее оказалось с одеждой. Их плащи были неудобны при передвижении, а короткие туники оставляли открытыми ноги и руки и те от прикосновения растительности стали незаживающей раной. Лекарственные снадобья уменьшались на глазах. Решение нашёл Факас: он снял шкуру с ползучего гада, высушил и обернул ею обнажённые места. Убедившись в эффективности подобной защиты, такие же повязки сделал для всех остальных, включая Суперсудьбоносную.

После этого плащи присовокупили к неприкосновенному запасу, куда ещё раньше отнесли и шатёр, хотя понимали его беззащитность перед здешними обитателями. Теперь на ночлег располагались в защищённом месте в складках поверхности или под кронами близко росших деревьев. Огненный шнур растягивали вокруг места ночлега, Суперсудьбоносная располагалась в центре, властительницы – вокруг неё, и внешним кольцом размещались хрисы, Будар и Адар.

Многое произошло за это время. Отношения упростились, обязанности определились. Хрисы нашли вариант увеличения мощности биорадара и научились заряжать его от лучей светила, теперь они могли корректировать движение на день вперёд. По утрам Факас делал замеры, определял массу, наиболее близкую по уровню к возможной массе раджинцев, и они отправлялись в путь.

В связи с этим изменился и первоначальный план: зигзаги перестали быть строго геометрическими, а превратились в лавирование на местности в зависимости от показаний радара. Но тем не менее курс выдерживался, и с каждым днём шансы на обнаружение раджинцев возрастали. Так, во всяком случае, считала Суперсудьбоносная.

Ещё несколько переходов – и они должны были достичь горного массива. За ним – Суперсудьбоносная помнила картину, виденную из глассера, – растительность становилась менее густой, со всё увеличивающимися открытыми пространствами. При боязни лучей светила раджинцы там базу разместить не могли. Правда, была ещё такая же густая растительность, вполне устроившая бы их, – по другую сторону конусообразных вершин, меж которых

навсегда остался глиссер. И тот массив уходил далеко, гораздо дальше, чем с этой стороны, и также упирался в водоём, занимающий большую часть планеты. Но вероятность размещения базы там Суперсудьбоносная пока отбрасывала.

Несколько раз им приходилось уничтожать наглых хищников, как уже знакомых, так и незнакомых; один из них особенно запомнился – покрытый шерстью, с сильными когтистыми лапами зверь, способный подниматься на задние лапы и этим поразивший их. Его убила Зита, израсходовав два заряда, и потом они долго стояли возле туши, с опаской прикасаясь к неподвижному гиганту и удивляясь тому, как этот зверь похож на уникальных животных планеты Тирус: на торгах на Хрисе его шкура стоила целое состояние. Меха тирусовского медведя носили все влиятельные властительницы и богатые хрисы.

– Может, возьмём шкуру? – вопросительно произнесла Рута.

И, помедлив, Суперсудьбоносная не стала возражать: она видела, как хотели этого девушки.

Будар довольно быстро оголил зверя, замер над распростёртой, вполне пригодной по размерам под ложе для всех шкурой, возле большой и тяжёлой – в этом он убедился, пытаясь её приподнять, – клыкастой морды. Именно так, с высушенной мордой, шкура обычно и выставлялась на Хрисе на торги. Но она была слишком тяжела даже для него, и Суперсудьбоносная кивнула, отвечая на его взгляд.

Без морды шкура была не столь великолепна, но зато, свёрнутая, стала удобной ношей, и она определила очерёдность, по которой ценный груз понесёт каждая из властительниц. И первой поручила это обрадовавшейся Руте.

Следующие несколько дней прошли без столкновений, в привычных переходах от биомассы к биомассе и в избегании встреч с монстрами.

...Это был радостный и одновременно печальный день: идя на источник биомассы, они наткнулись на остатки защитных сетей раджинцев. Развернувшись в боевой порядок, прочесали полянку, обнаружив ещё останки от уничтоженного оружием раджинцев дерева, потом под кронами – следы их временных жилищ и место посадки шлюпки.

Радар указывал наличие биомассы совсем недалеко, и в том же боевом треугольнике они быстрым шагом пошли под кроны, чувствуя двоякое возбуждение: от ожидания схватки и от возможности увидеть знакомое, мыслящее, себе подобное существо.

– Окружаем и требуем сдаться, – отдала распоряжение Суперсудьбоносная. – Выбивайте оружие из рук, пусть раненные, но они нужны нам живыми.

В этом состоянии возбуждения они миновали лесной массив и вышли к небольшому водоёму, на берегу которого увидели скелет монстра, а следом – ещё несколько скелетов поменьше и сидящих на этих костях летающих хищников. Их было множество. Суперсудьбоносная подняла руку, приказывая остановиться, но крайний плотоядный уже повернул голову и, тяжело вскинув перепончатые крылья, поднялся, качнулся в их сторону, взлетел, и тут же зашевелились, рванулись за ним остальные; в следующее мгновение чёрная туча, ощерившаяся острозубыми пастями, понеслась в их сторону.

– Под деревья! – крикнула Суперсудьбоносная и в окружении властительниц повернула обратно.

Но туча приближалась быстрее, было ясно, что им не уйти. Первой это поняла Вита и резко остановившись, крикнула:

– Сута, Будар, Адар – со мной, остальные – защита Суперсудьбоносной!

Они остались между несущей смерть тучей и убегающими в сторону деревьев и, не сговариваясь, одновременно нажали на пусковые скобы.

Два монстра, пронзённые зарядами, пискляво крикнув, рухнули вниз и следом спланировали несколько живых, впились когтистыми лапами в своих соплеменников, на лету разрывая, истово вереща, но остальные продолжали полёт. И опять ударили заряды, и пока новая

череда живых разрывала мёртвых, Вита краем глаза заметила, что Суперсудьбоносная уже почти под деревьями, но именно эта заминка позволила хищнику, прорвавшемуся сквозь огонь трёх метателей, перехватить её поперёк туловища и взмыть вверх.

– Вита! – услышала она голос.

И это было последнее, что она осознала, в следующий миг челюсти сомкнулись, и то, что называлось Витой, перестало существовать.

Заряд Суты достал монстра, заряды остальных отбили у оставшихся в живых охоту нападать: они бросились рвать падших, но Вите помочь уже было невозможно.

Будар разрубил сжатую пасть, вдвоём с Адаром они донесли то, что осталось от властительницы, до деревьев. Здесь Суперсудьбоносная, приказав мужчинам отвернуться, сделала то, что положено делать, отправляя в последний путь властительницу. Спустя некоторое время Вита лежала готовая к прощанию, обряженная в свой плащ с эмблемой Жизнеутверждающей. Всё было готово, лишь не хватало того, что делалось дома, и тогда Суперсудьбоносная приказала развернуть драгоценный мех. Под молчаливое одобрение остальных, она набросила его на тело Виты и отступила: пришёл черёд Суты. Супергасительница, следующая по чину за Жизнеутверждающей и автоматически принимающая отныне новые обязанности, направила метатель в сторону погибшей, и в следующее мгновение огонь скрыл и шкуру, и лежащую под ней Виту.

...В этот день они не пошли дальше. Вернулись к месту, где была база раджинцев и, внимательно осмотрев всё вблизи, окончательно убедились: они не ошиблись, у раджинцев была шлюпка. На ней можно двигаться несравненно быстрее, но Суперсудьбоносная понимала: они не могли переместиться далеко, что-то согнало их, разрушив сети, но не уничтожив. Они должны были быть недалеко и под защитой крон. И ещё она поняла, что для них также опасна агрессия животных как и разумных существ, а значит они будут искать место для базы, где нет монстров... И это сужало зону поиска, места подобных скоплений животных можно было проходить быстро.

И искать. Искать и найти. Теперь это было уже не предположение, это была задача, цель, целесообразность, и это понимание преобразило всех.

Гибель Виты была оправдана: такая формула утешения помогла властительницам быстро забыть происшедшее и думать о будущем. Единственное, о чём пожалел Факас, так это о невозможности проверить свои предположения о замене уже достаточно истёртых сандалий на мягкую обувь из шкуры. Но в конце концов и он зарядился азартом, охватившим всех: впереди была не иллюзорная, как он считал прежде, а очевидная цель: база раджинцев, их шлюпка, оборудование, а значит возможность не только владеть этой планетой, но и надежда на возвращение.

Беглецы

-1-

Они были полными дилетантами в Космосе. К тому же их гнал страх. Но сложение того и другого и спасло их. Когда глассер, кувыркаясь и меняя то и дело направление, уходил от Хриса, никто из стражей не мог даже подумать, что на нём есть кто-то, умеющий управлять. По системе оповещения было доложено о бесхозном, падающем в пространство глассере, и тот был занесён в список утраченных искусственных космических объектов.

В то время, когда следящие установки фиксировали этот факт, двенадцать беглецов – шесть женщин и шесть мужчин – мучительно пытались разобраться как управлять глассером.

Паркис, признанный остальными лидером, бывший главный астроном Хриса, цепляясь за пульт, старался подсказать Красису, единственному из всех беглецов когда-то побывавшему в Космосе с союзниками, что делать. Зантис и Рантис были здесь же, у пульта управления, но

ничего не могли подсказать, потому что в той, прежней жизни, до восстания, умели только торговать.

В каюте Судьбоносной, корчась от непривычных перегрузок, ожидали участи женщины, а также Ракас и Макас.

Всё более отдалялся Хрис, их родная планета, на которой оставшиеся там были теперь рабами. Пять лет назад из Космоса налетела армада стражей, ещё более жестоких, чем властительницы, завоевателей, и рухнуло всё... Стражи вступили в союз с Абударом, и двойной пресс унижительного подчинения лёг на хрисов. А спустя два года, стражи разгромили властительниц вместе с исполнителями, сделав первых наложницами, а вторых надсмотрщиками. И теперь правили на обеих планетах.

За эти годы так никто и не узнал, откуда появились называвшие себя стражами; это были мужчины-воины, высокие и сильные. Они пришли с предложением мира на Абудар, но, как оказалось, лживым миром. И союз стражей и властительниц был прежде адюльтерным, когда все Суперсудьбоносные добровольно подчинились пришельцам, видя в них желанных производителей. Но те не торопились исполнять эту функцию.

Пять лет караваны межзвёздных кораблей стражей уносили в Космос богатства двух планет. И с каждым годом всё безжалостней становились стражи, заставляя нарабатывать эти богатства. И наконец стали загружать в караваны женщин. Вот тогда кончилось терпение миролюбивых хрисов. Вот тогда и наступил этот день, после которого только двенадцати удалось уйти живыми и свободными, а тем, кто остался на Хрисе, теперь до конца дней своих суждено было оставаться рабами.

...Красису наконец удалось определить принцип управления глиссером, и тот принял устойчивое положение. Но стражей это уже не интересовало, и никто из наблюдателей не придал значения тому, что хаотично мечущийся глиссер вдруг занял курс.

Глиссер уходил в Космос, а находящиеся в нём не знали, какая из программ маршрута принята к исполнению. Но сейчас это их и не волновало, главное было – уйти как можно дальше от стражей, от того, что было домом.

Придя в себя после бегства и старта, беглецы решили прежде всего осмотреть глиссер. Красис стал проводником. После кают и технических помещений вошли в большой зал и зачарованно замерли.

Перед ними был райский уголок.

– Вот здесь мы и будем жить, – пояснил Красис.

Они стояли возле водопада: невысокие, сухощавые мужчины и усталые, но не утратившие природной красоты женщины. Все они были примерно одного возраста, самого деятельного для хрисов.

Паркис и Валиса, его жена и помощница в той, прежней жизни.

Красис со своей подругой Машисой, невысокой, белокурой, специалистом по традиционной медицине.

Рантис и Катиса, тоже семейная пара, как и Зантис и Лакиса. Они вместе работали, дружили семейно.

Ракас и Макас – из простолюдинов и почти не знакомы остальным, они были техническими работниками космопорта и благодаря им остальным удалось попасть в глиссер.

Элиса – нервная особа с короткой стрижкой – подруга Валисы и один из лидеров восстания хрисов. И Затиса – её верный оруженосец и телохранитель.

– Приятный уголок, – с хрипотцой в голосе сказала Элиса, зябко поведя плечиками. Она всё ещё не могла прийти в себя после всего, что произошло с ней в последние дни. – Властительницы даже в Космосе не отказываются от роскоши.

– Ну, это не столько роскошь, сколько необходимость при пиратской жизни, – не согласился Красис.

– А мне здесь очень нравится, – призналась Катиса. – Если придётся умирать, так хоть от тоски не завоем.

Она спустилась к воде, зачерпнула ладонью, понаблюдала, как та стекает вниз.

– Научимся любить воду, как властительницы, – сказала она, возвращаясь.

– Интересно, как мы только жить будем все вместе? – вопрошающе произнесла Затиса. – Я слышала, властительницы нагишом расхаживают...

– Они нас не стеснялись, а их производители были далеко, – подтвердил Красис. – Но уединиться тоже можно.

Он прошёл к панели жизнеобеспечения, нашёл нужный тумблер, перевёл в рабочее положение: место, предназначенное для Судьбоносной, отделилось с трёх сторон невысокими стенами.

– Вот вам один дом. Остальные построим позже. – И повернулся к Паркису: – Это ваш дом, командир, занимайте.

Валиса зашла за стену, вернулась.

– Совсем недурно. Почти интим.

– А другие долго строить? – спросила Элиса.

Ей не терпелось поскорее спрятаться от остальных, забыться, уйти от пережитого поражения.

– Думаю, нет, но мне надо разобраться...

Красис стал изучать панель. Наконец он сделал несколько манипуляций, и появилось ещё четыре уголка из стен по разные стороны бассейна.

– Один – для нас с Машисой, второй – для Рантиса с женой, третий для Зантиса и Лакисы, четвёртый...

– Я думаю, для нас.

Элиса решительно пошла к дальним стенам. За ней, чуть помедлив, двинулась Затиса.

– Мы что-нибудь придумаем, – сказал Ракас. – Соорудим ещё один, вот только разберёмся, что к чему...

– Я тоже считаю, что это не проблема, – согласился Красис.

– В таком случае, прежде чем оценить наше положение, давайте отдохнём, – полуприказал-полупредложил Паркис и пошёл с Валисой к их стенам. Помедлил, оглянулся. – Глиссер действительно готовился к походу? – уточнил он у Ракаса.

– Мы обеспечивали его подготовку, – подтвердил тот. – Энергоблоки и питание доставлены, оставалось только загрузить оружие и спецоборудование.

– Неужели мы никогда больше не увидим Хрис? – не удержалась Машиса. – Неужели это наш последний дом?..

И никто ей не ответил.

-2-

Элиса, спрятавшись за стенами, билась в безмолвной истерике. Затиса успокаивала её, обхватив за плечи и обещая как маленькой, что всё будет хорошо. Ей самой хотелось кричать, выть от несбывшихся надежд, но она не могла себе это позволить. Она считала себя сильной, гораздо сильнее подруги, которая последние дни была в самой гуще событий. Она не хотела вспоминать, но в памяти всплывали неприятные картины: идущие к центру столицы, где обосновались стражи, толпы хрисов и смертоносный луч, вырвавшийся из возведённой стражами башни, уничтожавший всё живое, и невидимые враги, догоняющие в переулках, даже на окраине, когда хрисы хватались вдруг за горло и падали бездыханными. А следом шли стражи, их лица были закрыты масками, защищающими от неведомой смерти.

Они не погибли лишь потому, что Элиса догадалась снять маску с убитого стража и заставила её сделать то же самое. Потом это стали делать другие, и в конце они все бежали в масках, –

единицы, оставшиеся в живых, а их преследовали безжалостные убийцы. И лишь благодаря самоуверенности новых хозяев Хриса, не позаботившихся об усилении охраны космопорта, не допускающих даже мысли, что кто-то осмелится приблизиться сюда, несколько десятков восставших сумели смести малочисленную охрану, хотя большинство из них так и остались лежать на подступах к глиссерам. Те же, что прорвались, застрелились между глиссерами; не появившись рядом Макаса, наверное, тоже полезли бы в ближайший, куда бросилась основная масса спасавшихся, и который так и не успел оторваться от поверхности, захваченный стражами. И пока те, считая, что все беглецы именно в этом глиссере, атаковали его, другой, стоящий в отдалении, устремился в Космос, а получив вдогонку абордажный удар, всё-таки вырвался из него и закувыркался, унося их, чудом выживших...

Обняв Валису, вдыхая ещё сохранившийся в её волосах аромат трав Хриса, пытался забыться Паркис. Он понимал, что обязательно нужно отдохнуть, но перед глазами мелькали картины прошлой жизни. Они были сумбурны: обсерватория в горной долине, споры о неведомых галактиках, где может быть иная жизнь, желание уйти от происходящего на их планете после появления властительниц, а затем стражей, их счастливая семейная жизнь; а потом разрушение обсерватории, которая чем-то помешала стражам, возвращение в столицу, бурлившую скрытым негодованием, разговоры с соратниками, представляющими высший свет общества, наконец, решение о восстании, в котором они видели единственный выход. И результат, которого никто не ожидал... Это было изгнание, заслуженное предыдущей мягкотелостью по отношению к завоевателям, но одновременно непостижимое по жестокости наказание...

Красис тоже долго не мог заснуть. Уже давно тихо дышала, доверчиво прильнувшая к его плечу Машиса, а он всё лежал с открытыми глазами, пытаясь обрести опору. Это была его вечная проблема – обрести опору. Он не успел ещё стать мужчиной, когда на планете появились властительницы. Они были непохожи на женщин Хриса, неприступные, загадочные, в них влюблялся каждый мальчишка. Влюбился и Красис. Он увлёкся Судьбоносной, которая привела на Хрис один из глиссеров. Она была величава, с большими чёрными зрачками глаз, сводящими с ума, и он не замечал ни жёсткости её взгляда, ни слишком больших для женщины бицепсов, он грезил ею, и, когда, спустя время, властительницы стали набирать рекрутов для своих глиссеров, он прошёл отбор и попал в команду. Правда, не к той Судьбоносной, которой грезил. Та ушла в Космос раньше. Но он надеялся, что когда-нибудь встретит свою мечту.

Тогда они долго пробыли в Космосе, но удача так и не улыбнулась им. Хотя другим везло, они натывались на корабли бездомных раджинцев и возвращались с добычей. Может, от этого их Судьбоносная была зла, раздражительна, и за время, проведённое на глиссере, Красис охладил к своей мечте. Наблюдая за нагими властительницами, он постепенно нашёл в их физическом облике множество изъянов, и по возвращении встреча с Машисой затмила юношеские грёзы реальным наслаждением желаемой обоими близости.

Но в то же время он потерял опору: исчезло желание гоняться за той, первой Судьбоносной. Но не хотелось и становиться таким, как все на Хрисе, прислуживать уже появившимся на их планете стражам. Он попытался войти в контакт с ними, желая узнать о мире, откуда те пришли, но ничего не получилось: стражи позволяли лишь готовить свои корабли к полётам, но никогда никого не брали на их борт.

Только женщин, из которых никто не возвращался.

Может, поэтому он загорелся идеей восстания, за которым маячили грандиозные планы Хриса, его собственные, – победа не вызывала сомнений: слишком мало было стражей, и казалось, они обречены на поражение. Ведь никто не знал о смертоносном луче и невидимой смерти...

Неужели это их последнее пристанище, думал он, вспоминая восклицание Машисы и не желая верить в это.

Но если это не так, что будет дальше с ними, где они обретут свой новый дом? Он знал от властительниц, что в дальнем Космосе есть планеты, на которых можно жить. Знал и то, что кроме раджинцев, властительниц и хрисов, а теперь, как оказалось, и стражей, больше разумной жизни не было. Но она могла быть. Правда, какая – дружественная, враждебная?..

И всё-таки, наверное, необходимо искать именно её, другую разумную жизнь.

На этом нетвёрдом убеждении он наконец и забылся...

То ли сказала усталость, то ли остальные были менее эмоциональными, – все, кроме Лакисы, скоро уснули. Что же касается Лакисы, она не могла никак избавиться от сожаления, что послушалась мужа и приняла участие в восстании.

Не он, а она в действительности вела дело, он лишь исполнял то, что она подсказывала. И она была уверена, что со стражами можно жить и даже высказала мнение о выгодах, если они докажут свою лояльность. Но Зантиса словно подменили. Наслушавшись говорунов, познакомившись с лидерами восстания, он считал, что после победы над стражами его ждёт стремительная карьера, место одного из главных поставщиков элиты, а значит будет и богатство, и почёт...

И она тоже поддалась этому соблазну и вот теперь находится здесь, в прогулочном костюме, единственном, что у неё осталось...

Правда, если найти, кому продать глассер, то можно получить во много крат больше того, что было... Но кому?..

Она вздохнула, отодвинулась от спящего мужа и закрыла глаза.

...Пробудились они почти одновременно, но никто не торопился выходить из-за стен, привыкая к новой обстановке и уже более хладнокровно осмысливая произошедшее. Красису, может быть, единственному не терпелось поделиться своими мыслями о будущем, но, познавший в своё время порядок взаимоотношений властительниц, он не спешил, предоставляя право высказаться первым Паркису. Именно Паркис сейчас должен был сложить интересы всех. И, понимая это, тот первым вышел из-за стен, спустился к водопадику, понаблюдал за падающими струйками и, сам не зная того, поднялся на площадку, с которой вещали Судьбоносные.

Красис заторопился следом, встал рядом, оглядывая привычный и одновременно подзабытый зал, с иллюзорно раздвинутым горизонтом. Для глаз это было приятно, но придёт время, когда мышцы всех возжелают другого – не покоя и безделья, а действия, и тогда иллюзия перестанет радовать.

– Это место, с которого Судьбоносные правят, – негромко подсказал он Паркису. – Здесь всё имеет свой смысл, хотя это не совсем нам привычно...

– Я подумаю над этим, – отозвался тот, наблюдая за приближающимися коллегами по злосложению.

И оглянувшись, опустился на скрещённые ноги, приглашая остальных принять участие в Круге – привычной для хрисов форме выработки решений. Вся разница была лишь в том, что это был не Круг профессионалов, не Круг учёных, не Круг торговцев, не Круг политиков. Это был Круг случайности.

– Можем ли мы управлять глассером? – задал он вопрос.

– Пока не реализует себя программа – нет, – ответил Красис. – Или же пока мы не разберёмся, как её можно отменить.

– По исполнению программы или в случае её отмены примем ли мы решение о возвращении?

Пауза длилась очень долго. Её прервала Элиса резким, не допускающим возражений голосом:

– Если возвращаться, то не одним и с оружием, противостоящим оружию стражей. Возвращаться, чтобы победить.

– Почему ты думаешь, что стражей надо побеждать? Разве нельзя с ними договориться? – не согласилась Лакиса.

– После всего, что произошло ты веришь в это?.. – удивилась Элиса. – Тебе хочется попасть в число тех, кого увозят глассеры? Ты знаешь, куда исчезли наши подруги?.. Они обслуживают хозяев стражей в их собственном доме... Тех, которые похожи на пауков...

И опять повисла пауза.

Все слышали легенды, появившиеся в последнее время на Хрисе, о том, что стражи – это всего лишь изобретение ужасной цивилизации страшилищ, неспособных перемещаться по Космосу, уничтоживших запасы собственной планеты и живущих теперь за счёт ограбления других. Женщины же страшилищам нужны были не только для обслуживания, но и для создания новых стражей.

– Это всё слухи, – неуверенно возразила Лакиса.

– Это не слухи, – поддержала Элису Затиса. – Кто-нибудь видел стража обнажённым?

– Этот вопрос сегодня не стоит так остро, чтобы его обсуждать, – вмешался Рантис.

– Да, это сейчас не имеет значения, – поддержал друга Зантис.

– Я согласен, сейчас мы не можем принять решение, – сказал Красис и посмотрел на Ракаса.. – Наш полёт продлится очень долго, сейчас глассер заряжен на дальний маршрут, не так ли?

– Да, – ответил тот.

– Последнее время глассеры отправлялись в дальние галактики, с целью поиска новых обитаемых планет, – торопливо дополнил Макас. – По тем маршрутам, откуда не вернулись глассеры с властительницами. Стражи хотели выяснить, что с ними, и захватить в Космосе тех, кто ещё не знает о произошедшем на Абударе.

– Вот видите, – продолжил Красис. – Нам предстоит или встреча с властительницами, или... – Он помолчал. – Возможно, с планетой – главной мечтой каждой Судьбоносной. В любом случае мы встретим властительниц и, на мой взгляд, лучше будет, если они услышат плохие новости от нас, чем от стражей. Мы всё-таки были союзниками.

– А можем мы получить информацию о глассере, по маршруту которого идём? – спросил Паркис.

Ракас и Макас отрицательно покачали головами.

– Я тоже не знаю как это сделать, – признался Красис. – Властительницы показывали нам всё, кроме управления глассером и информации о Космосе.

– О Космосе, я надеюсь, мы скоро узнаем, – сказал Паркис. – Надо только взглянуть, где мы сейчас находимся. – И, помолчав, подвёл итог: – Считаю, что самое главное сейчас – разобраться в управлении глассером, найти доступ к программе. И будет так: я и Красис..., и Элиса изучаем навигационное оборудование. Ракас и Макас, как специалисты, контролируют техническое состояние глассера. Рантис, Зантис, Валиса, Затиса – с помощью Ракаса осваивают контроль за жизнеобеспечением. Машиса, Лакиса и Катиса, думаю, смогут создать всем нам ощущение дома...

– Здесь есть небольшие развлечения, – подсказал Красис. – Властительницы тоже любят получать удовольствие. Но все они связаны с водой...

– Я же говорила, нам придётся научиться любить воду, – напомнила Катиса.

И эта реплика вызвала у всех улыбки.

– Тогда за дело, – приказал Паркис.

-3-

Дни складывались в недели, недели – в месяцы, уже, казалось, было известно всё о глассере, определено место в Космосе и даже приблизительно прочерчен маршрут, а они никак не могли изменить программу управления глассером. Это осталось единственной задачей, над

которой теперь ломали голову все. Или делали вид, что ломали, ибо ничем не нарушаемая жизнь понемногу меняла и их самих. Женщины, за исключением Элисы, проводящей почти всё время в навигационной рубке, научились расслабляться на ложах властительниц, освоили приспособления, на которых те поддерживали физическую форму, и нашли, что вода вполне приятна для тела, даже если в ней находится длительное время. Они обнаружили одежду властительниц, некоторое время пококетничали в разноцветных туниках и форменных плащах, затем стали, как и властительницы, отдыхать нагишом, выражая общее равнодушие перед мужчинами и предлагая им просто не заходить в зал во время их отдыха.

Мужчины, в свою очередь, тоже нашли занятие, оборудовав одну из кают под комнату технических развлечений, и, кроме Паркиса и Красиса, занятых изучением управления глассером, проводили время в ней, иногда с пользой, творя что-либо, иногда просто играя друг с другом в интеллектуальные игры-загадки.

Вначале регулярно, как это было на Хрисе, собирались в середине дня в помещении для приёма пищи, чтобы за трапезой обменяться новостями, но скоро потребность в этом отпала, новостей, касающихся всех не было и каждый теперь принимал пищу, когда хотел. Только женщины за исключением Элисы и Затисы продолжали соблюдать традицию, но и у них скоро иссякли все темы для разговора.

Отсутствие того, чем хотелось бы поделиться, сказалось и на супружеских отношениях. Хотя стены, выстроенные в первый день, остались, каждый засыпал там, где ему хотелось: в каюте, комнате игр, рубке или даже возле водопада, если возникало желание погрезить под шум падающей воды.

Паркис, наблюдая за остальными и анализируя собственное отношение к случайным товарищам по спасению, понимал, что они меняются, всё более замыкаясь в себе и отдаляясь друг от друга, но не видел общей цели, которая объединила бы их. Хрисы изначально с появления их цивилизации, а каждый из рождавшихся с детства, не знали праздности. Их засушливая, покрытая пустынями планета требовала много труда, чтобы выжить. Даже элита выполняла не только управленческие функции, но и занималась решением конкретных задач. Помимо наблюдений за Космосом, Паркис выращивал возле обсерватории семена растений, способных выживать в пустыне. Уже много веков эти семена высаживались по границам надвигающейся безжизненной корки, ограждая столицу и другие города от гибели. Склонность к безделью считалась болезнью, таких граждан лечили в специальных поселениях, но теперь он ловил себя на желании ничего не делать и наблюдал симптомы этой болезни у других.

Красис, тоже переживавший подобные ощущения, вспоминая долгий полёт с властительницами, надеялся, что скоро апатия и безразличие пройдут хотя и ловил себя на тревожном ощущении какого-то отличия буден тогда и сейчас. И наконец понял: властительницы и команда чередовали интервалы бездействия и активной деятельности, его же спутники жили в одном, всё более бесцельном ритме. Пару раз он пытался поговорить об этом с Машисой, ставшей томно-ленивой и менее ласковой по ночам, но она его не поняла. Тогда он предложил Паркису провести что-нибудь, похожее на аварийную работу, но оба так и не придумали, как это могло бы выглядеть, чтобы заставило всех поверить в необходимость это делать. Наконец оба решили положиться на естественный ход событий.

Маршрут глассера уходил в тот уголок Космоса, где вряд ли кто когда-нибудь был. Но, по видимому, что-то было в информации властительниц, а затем стражей, если последние хотели отправить глассер именно сюда.

Путешествие обещало быть долгим, если только они не встретят прежде глассер властительниц, возвращающийся домой. Этой встречи ждали и одновременно боялись, ибо не знали, как разойтись, отсалютовав друг другу.

За это время они изучили все программы открытые доступу и наконец добрались до главной, закрытой шифром. Над разгадкой его сначала ломали голову все, но энтузиазм скоро

иссяк. То ли под воздействием размягчающей обстановки, то ли от ощущения неразрешимости задачи, но в конце концов даже Паркис, считавший себя неплохим специалистом в разгадывании головоломок, сдался. И лишь Элиса упорно сидела над шифром, проверяя всё новые варианты.

Паркис большую часть времени находился рядом с ней, но предпочитал изучать Космос, открывая для себя то, чего никогда бы не смог, находясь в обсерватории на Хрисе. Здесь разрешились многие профессиональные споры, и главное, бесславно рухнула гордость за успехи хрисов. Когда-то они отказались от попыток освоить Космос, считая, что там ничего нет, и много веков назад первые сообщения астрономов о движущихся в межзвёздном пространстве объектах были осмеяны. Появление «небожительниц», так вначале называли властительниц, повергло науку Хриса в шок. «Космических дам» – так их окрестили, когда те стали союзниками, – с первых шагов на Хрисе окружал ореол непостижимого и более сильного начала. Именно по этой причине им и удалось довольно быстро подчинить себе практически всё население Хриса.

Болезненно пережив этот переворот в умах и представлениях, хрисы постарались нагнать союзниц, интенсивно бросившись осваивать те их знания, которые стали им доступны. И очень преуспели в разработке технических новинок. Но вот фундаментальных представлений о том мире, в котором большую часть жизни проводили властительницы, о Космосе, они не получили. Это было табу союзниц, запретная тема. И, может быть, астрономия на Хрисе умерла, если бы не были разработаны более мощные наблюдательные приборы, позволившие заглянуть в запредельный Космос.

Такие как Красис, побывавшие с союзниками в полётах, говорили о том, что представления хрисов о строении Вселенной далеки от истины, но научные авторитеты планеты, никогда не бывавшие в Космосе, воспринимали эти заявления как бред. К этим не верившим учёным относился и Паркис. И вот теперь он корил себя за былую самоуверенность и страдал оттого, что не может ничего сообщить своим бывшим коллегам. Космос действительно оказался безграничен и отнюдь не являл собой замкнутую сферу, как представляли хрисы. Именно на этом утверждении и держалась их теория о Хрисе как зародыше, в этой сфере. Они считали, что в Космосе существуют каналы-лучи, расходящиеся от Хриса к остальным мирам, и задача учёных – найти эти каналы, по которым можно будет передвигаться так же, как по Хрису. Поисками этих дорог были заняты многие поколения учёных. Но вот появились властительницы, которые уже путешествовали по Космосу, используя ужасную, разрывающую пространство технику и на много лет развернулся новый спор – о последствиях такого способа перемещения в пространстве.

Паркис был в числе тех, кто считал, что их сфера, в которой, правда, вдруг оказался открыт вход для представителей иных сфер, под воздействием такого вмешательства обязательно пострадает. В то же время он довольно безболезненно принял факт наличия иных сфер, ибо такие крамольные мысли уже посещали его предшественников.

То, что узнал он теперь, осмыслению пока не поддавалось.

Если исходить из известного ему теперь, Космос складывался из неведомого множества сфер, и в них давно уже, не обращая внимания на законы гармонии, разрывали пространственные связи и властительницы, и обитатели уже исчезнувшего Раджинга, и пришедшие невесты откуда стражи. А это значит, делал вывод Паркис, что их цивилизация либо значительно от всех отстаёт, либо... Либо опережает. И последний вывод настраивал его на оптимистичную гордость. Каналы, по которым можно путешествовать в сферах и между ними, не нарушая тканей пространства, думал он, должны быть. И тот, кто обретёт знание о них, сможет стать полноправным обитателем Вселенной. От одной этой мысли он чувствовал прилив надежды. Ибо тогда они смогут из любой точки Космоса вернуться на Хрис.

Он представлял это как движение в пневматической трубке: вход и выход. И мгновение на перемещение...

Не обращая внимания на озабоченную разгадкой шифра Элису, он мучительно старался догадаться, как могут связываться каналы, а главное, где могут находиться эти входы и выходы и как их находить...

Они вдвоём проводили в навигаторской дни и ночи, забыв об остальных, а Красис, фактически взявший на себя функции командира, в одиночестве не мог противостоять эпидемии, вдруг охватившей остальных. Страсти прелюбодеяния. Культ поклонения похоти.

Однажды утром все стены исчезли – кто-то отключил тумблеры, и он удивился, увидев рядом с Рантисом не Катису, а Лакису. Жена Рантиса досматривала сны в объятиях Зантиса. Крутобёдрая Затиса лежала между Ракасом и Макасом. Он повернулся к Машисе, чьё тепло ощущал всю ночь, и замер: рядом, доверчиво раскинувшись, лежала нагая Валиса, а Машиса обнимала её с другой стороны.

Он вспомнил, что когда в темноте вошёл за свои стены, Машиса была неожиданно настойчива и ему несколько раз пришлось заниматься любовью. И она была такая разная...

Он ещё раз взглянул на лежащих рядом женщин, потряс головой: на глассере нет никакого дурмана, разве что он вчера устал...

Он спустился к воде и неловко, стараясь не шуметь, прыгнул в бассейн. Немного поплавал, поднялся, накинул тунику. Тронул за плечо Машису и глядящую на него непонимающими глазами, но покорную, увёл в каюту.

– Ты можешь мне объяснить?..

– Объяснить что? – Та потянулась, выгибая спину и скидывая наброшенную ей на плечи Красисом тунику.

– Я вчера занимался любовью с тобой или Валисой? Начнём хотя бы с этого.

– Разве это важно? – прищурилась она. – Дорогой мой, тебе было хорошо?

– Ты считаешь, это не важно? Ты же знаешь, что это болезнь... Даже властительницы предпочитают одного производителя...

– А стражи вообще не любят женщин, – произнесла Машиса, и сделалась серьёзной. – Красис ты слишком долго отсутствовал... Мы подумали, что теперь от нас зависит, останется ли в Космосе народ хрисов, будет ли существовать дальше наша цивилизация. Генетически чистые хрисы, а не смешанные с кем-то ещё. Ты представляешь, сколько каждой из нас придётся рожать? Одного за другим. И неизвестно, какое скрещивание будет более эффективным, жизнеспособным. Может быть, наши с тобой дети окажутся слабее ваших с Валисой, или моих с Паркисом... Вот так, мой милый.

– Кто это «мы»? – по инерции уточнил Красис, понимая, что главное не в этом.

– Мы?.. Это все, кроме вас с Паркисом и Элисой. Вас ведь будущее не интересует... – Она иронично улыбнулась.

– Хорошо, пусть так, – после паузы неуверенно продолжил Красис. – Но как всё это...

– Миленький мой, – прервала его Машиса, – мы могли бы оплодотворяться искусственно, но посчитали, что это глупо, пока наши мужчины способны оплодотворять... Разве ты против того, чтобы цивилизация хрисов продолжала существовать?

Красис растерянно пожал плечами. Ему действительно нечего было возразить, в словах Машисы была логика.

– А если нам суждено остаться на глассере?

– Значит, будет маленькая цивилизация. Если, конечно, мы все доживём до наших первых детей...

– Мне трудно с тобой спорить...

– А ты не спорь. Разве можно спорить с законом жизни?

– Но мне неприятно, что у тебя будут другие мужчины.

– Я же не возражала ночью, чтобы ты любил Валису.

– Так я же...

– Да, мой милый. – перебила Машиса и вскинула ему руки на плечи, коснулась губами его сухих губ. – Но наш ребёнок будет первым...

Он отвёл её руки.

– Подожди... Но я, выходит, даже не буду знать...

– Будешь. Валиса теперь не станет ни с кем жить до нового цикла оплодотворения.

– Даже с Паркисом?

– А разве для него это важно? Нам показалось, что у него все силы ушли в интеллект.

– И всё-таки, если он не согласится с вашими аргументами?

– Валиса убедит его по-другому.

– А мы с тобой?

– Я буду с тобой долго-долго. – Машиса поцеловала его. – Ты всё ещё не можешь прийти в себя?

– Не могу, – честно признался он.

– Это пройдёт, – успокоила она. И повторила как заклинание. – Ведь ты не хочешь, чтобы наша цивилизация прекратила существование? – Поднялась, взглянув на него, накинула тунику. – Нам теперь нечего скрывать тела друг от друга, но если тебе неприятно... Ты идёшь со мной?

Он помедлил.

– Не сейчас...

– Хорошо. Привыкай. – Она улыбнулась. – Кстати, подготовь к этому Паркиса.

– Да, да, – не вдумываясь, отозвался Красис.

Он никак не мог осмыслить новые отношения.

-4-

Итак, шифр был разгадан. Элиса визжала от восторга и висла на шее Паркиса.

– Нашла! Я нашла ключ!.. Паркис, мы можем развернуть глассер! Мы можем вернуться домой!

– Ты – молодец, умница, – согласился тот, с трудом уходя от своих мыслей. – Ты очень способная девочка. – Он рассеянно погладил её по голове. – Только я не совсем понимаю...

– Вот, смотри. – Элиса повернулась к экрану. – Это наш маршрут, он заканчивается в галактике Зеро, по-видимому, в зоне скопления планет. Здесь мы должны будем перейти на другую программу, воспользовавшись ручным управлением. Но мы можем это сделать и сейчас, я введу программу уточнений, прерву действующую, мы остановимся и загрузим новую программу.

– Новую?

– Да, мы её сделаем... Конечно, есть готовая на обратный путь, но я подозреваю, что она запускается только по окончании заданного маршрута. Но, главное, мы можем остановиться, – бодро подвела она итог.

– Остановиться? Зачем?

– Чтобы повернуть, – раздражаясь от его непонятливости, пояснила Элиса.

– Но нет обратной программы?

– Мы её сделаем.

– Но её пока нет... И потом, к чему нам возвращаться?

– Как это к чему? – всплеснула руками Элиса. – Там гибнут хрисы, наш дом захвачен стражами, у нас есть глассер, там обязательно осталось сопротивление...

– Элиса, девочка, – прервал её Паркис. – Я никогда не думал, что Космос столь велик. Ты представляешь, он состоит из множества сфер. И весь пронизан путями, по которым можно путешествовать гораздо быстрее, нужно только найти вход...

Он видел, как расширялись от непонимания её глаза, но остановиться не мог.

– И тогда мы из любой сферы можем попасть домой... Ещё немного, и я найду путь...

– Ты – сумасшедший! – выпалила Элиса. – Какие сферы? Какие входы?! У нас есть глиссер. Нам нужно думать об оружии, способном противостоять лучу стражей. Вот над чем нужно ломать голову.

– Нет, это ты сумасшедшая, – сорвался Паркис; Элиса вторглась в его заповедное. – Глиссер собьют на орбите, сработает защита. Глупо погибать ни за что...

– Я хочу домой! – Отчеканила она и ударила его кулаком в грудь. – Ты – командир, я хочу домой! – и заплакала.

Паркис растерялся. Разгладил ладонью лицо, приобнял Элису.

– Успокойся, – примирительно сказал он. – Не надо... Мы оба погорячились.

– Да, прости, – согласилась Элиса, доверчиво прижимаясь к нему. – Ты – умный, ты обязательно найдёшь вход, но я...

В это время в каюту вошёл Красис.

Элиса отпрянула от Паркиса, отвернулась, пряча заплаканное лицо.

– Что-нибудь случилось? – спросил Красис.

– Она нашла ключ к шифру, – кивнул в сторону Элисы Паркис.

– И захотела домой, – добавила та, оборачиваясь.

– Да-а... – протянул Красис. – Похоже, у нас возникли разные полюса.

– Полюса? – Переспросил, не понимая, Паркис.

– Остальные домой уже не хотят.

Элиса изумлённо уставилась на него.

– И вообще, у нас общественно-нравственная революция. Родилась новая цивилизация, цивилизация целесообразности...

Красис помедлил, а потом стал рассказывать, что происходит в зоне отдыха, и приводить аргументы Машисы.

– И Затиса? – не поверила Элиса. – Это неправда.

– Убедиться несложно, – сказал Красис. – Надо только пройти в зону.

Паркис молчал. Всё услышанное он воспринял неожиданно спокойно, как любую, не требующую быстрой реакции информацию. Если Валиса выбрала другого, ну что ж, это её дело, он действительно очень занят, не уделяет ей внимания, а она женщина, она не может без этого... Тем более, они живут сейчас в замкнутом пространстве. Когда он найдёт вход... Это должно выглядеть... Как это должно выглядеть? Как нарушение физического поля или прореха в звёздной материи?... Скорее всего – это прореха... Именно наличие звёздной материи он открыл накануне восстания и даже не успел сделать об этом доклад...

– Паркис, – услышал он голос. – Ты здесь?

– Да-да, – вернулся он в действительность. – Если большинство решило... Мы не должны навязывать свою волю...

– Паркис! – выдохнула Элиса. – Красис!.. Я не хочу быть самкой! Я не хочу спать со всеми подряд!

– Насколько я понял, это делается добровольно.

Паркис посмотрел на Красиса, ожидая ответа.

– И я понял также, – неуверенно ответил тот.

– Тогда я не вижу проблем.

– Вы меня поражаете, – поникшим голосом произнесла Элиса. И многозначительно добавила: – Что ж, посмотрим, что будет дальше...

– Командир, а ты не хочешь встретиться с остальными? – спросил Красис.

– Зачем? И вообще, мой друг, возьми на себя эти функции, – предложил Паркис. – Сообщи всем, что я ушёл в творческий отпуск... Мне действительно некогда...

– Хорошо, – согласился после паузы Красис. – Я сообщу об этом. – И повернулся к Элисе: – А ты не хочешь?

– Мне нечего там делать! – резко ответила та. – И у меня тоже работа. – И отвернулась к пульта управления.

Красис помедлил и, вздохнув, вышел.

В зале он застал дискуссию.

Усевшись возле водопада зачатки цивилизации целесообразности, все в чём мать родила, бурно что-то обсуждали. При приближении Красиса они замолчали. Машиса подвинулась, и он присел рядом с ней, чувствуя себя в тунике несколько неловко.

– А где Паркис и Элиса? – спросила Машиса, явно взявшая инициативу в свои руки.

– Они работают... Паркис передал мне свои полномочия.

– Вот как? – прищурилась Машиса и прижалась горячим телом к нему плотнее. – Но они в курсе?

– Я рассказал им... Мнения разделились, но я буду говорить и за них.

– Замечательно. У нас здесь возник небольшой спор.

– О чём же?

– Разные взгляды на будущее, – вмешалась Валиса. – Так Паркис согласился с нашими доводами?

– Он слишком сейчас занят, – уклончиво ответил Красис. – Введите меня в предмет вашей дискуссии.

– Дело в том, что мы разошлись по одному вопросу: целесообразности деления детей по отцам. Затиса, например, считает, что лучше, если никто не будет знать, кто является отцом ребёнка.

– То есть, заниматься любовью со всеми подряд без ожиданий окончания цикла зачатия, – догадливо добавил Красис.

– Ты прав, мой милый, – подтвердила Машиса.

– И так считает не одна Затиса, – вмешался Ракас. – Я и Макас с ней согласны.

– Кто ещё?

– А как думает Паркис? – спросила Валиса.

– Он в творческом отпуске, – не без иронии ответил Красис.

– В таком случае я тоже поддерживаю Затису, – с вызовом сказала Валиса.

– А ты, Машиса? – Красис с трудом скрывал напряжение.

– Я – против. Я за то, о чём мы с тобой говорили...

– Остальные?

– Мы подумаем, – сказал Рантис, и Красис понял, что он имеет в виду обе семейные пары.

– Хотя в предложении Затисы есть смысл, – внесла раскол в их единодушие Лакиса. – Что будет, если каждый из отцов начнёт потом опекать только своего ребёнка...

– Мы сейчас ничего не можем предсказать, – прервал её Красис. – Будем исходить из того, что каждый поступает так, как считает нужным. Насколько я понял, семейные пары хотят знать своих детей. Кроме Валисы и Паркиса. Что же касается отношения к будущему потомству нашей новой цивилизации, – он выделил последние слова, – не будем торопиться. Всему своё время.

– Ты мудр, командир, – сказал, поднимаясь, Ракас и протянул руку Валисе, помогая той подняться. – Идём, искупаемся...

И они, нисколько не стесняясь своей наготы, спустились к воде.

-5-

Прошло немало времени, прежде чем глассер достиг галактики Зеро. За этот долгий срок Паркис так и не смог найти ответа на свои вопросы, но зато обрёл в лице Элисы подружку-единомышленницу, поверившую в проходы между сферами и безоговорочно принявшую его идею. Она отказалась от желания возвращаться на Хрис на глассере, надеясь осуществить это через неведомые никому тоннели.

В зоне отдыха жизнь стала ещё более сонной, даже любовные отношения перестали всех волновать, только Машиса оставалась энергичной и деятельной. Невзирая на все усилия, оплодотвориться за этот срок смогла только Валиса, зачав неизвестно от кого. Но и она не сохранила плод. Машиса мучительно искала причину отторжения того, на Хрисе подобное случалось крайне редко, отталкиваясь от физического состояния мужчин и женщин в непривычных условиях, но очевидного ответа не находила. Этот ответ ей ненароком подсказал Красис, вспомнив, что слышал от властительниц о влиянии защитного поля глассера. И идея о новой цивилизации, зачатой в Космосе, потерпела крах. Теперь все пассивно ожидали, что готовит им будущее.

Не встретился им на пути и глассер, прошедший по этому маршруту до них, а то, что такой был, они выяснили, вскрыв блок информации. Правда, сведения были весьма скудны. Да, неведомая Судьбоносная много лет назад избрала этот маршрут в погоне за ушедшим ещё раньше в этом направлении кораблём раджинцев. Но сообщения о том, нашла она корабль или нет, не было. И всё-таки, теперь они знали, что помимо них где-то в Космосе, перед ними или уже навстречу, перемещаются космические корабли двух цивилизаций. И с надеждой и одновременно опасением, ждали встречи.

И наконец этот день пришёл. На экране неожиданно прямо по курсу возникло огромное тело корабля раджинцев. Ошеломлённые увиденным, они созерцали этот гигантский космический дом, черневший вскрытыми люками.

– Его уже ограбили, – пояснил Красис. – Там все мертвы...

И, придя в себя, отрывая взгляд от медленно и грозно надвигающейся массы корабля, отдал приказ:

– К маневру! Ручное управление!

Усаживаясь перед пультом, искоса наблюдая, как медленно и неловко то же самое делают Паркис и Элиса, понял; они не были готовы управлять глассером.

– Всем по каютам! Закрепиться! Это опасно!

Они лихорадочно, суетясь, начали отводить глассер, кое-как успели повернуть, и массивный корпус мёртвого корабля достал их на полуразвороте; удар был сильным, но не смял глассер, а отбросил его в сторону, придав мощное ускорение, и последнее, что запомнил Красис, был чёрный борт корабля перед глазами...

...Отброшенный ударом глассер уходил в неведомый уголок Космоса, а внутри него на грани жизни и смерти балансировали двенадцать беглецов. Сколько это длилось, никто потом вспомнить не мог: от удара вышли из строя навигационные приборы, хронограф, часть системы обеспечения. И никто не мог знать, скольких ещё опасностей избежал глассер, несущийся среди космических тел с деформированной защитой.

Первой пришла в себя Элиса. Всё перед глазами у неё расплывалось, теряло очертания, она не понимала, где она, и не помнила, кто. Память возвращалась с головной болью, от которой гудело в ушах, но она всё-таки возвращалась, и Элиса наконец вспомнила, кто находится рядом с ней. Пересиливая боль, она добралась до Паркиса, прижалась лбом к его холодному лицу, погладила по щекам и услышала слабый стон.

– Паркис, – прошептала она непослушными губами. – Очнись, Паркис...

Тот пошевелился. Рядом стал оживать Красис. Поднялся, подошёл к Паркису, убедился, что тот жив, и нетвёрдой поступью пошёл по каютам.

Он шёл от одной к другой, по очереди приводя в чувство Машису, Рантиса, Валису, и когда те занялись остальными, зашёл в зону отдыха. Он уже понимал, что последствия удара сказались не только на них: воздух утратил былую свежесть, глассер мелко вибрировал, непривычное ускорение делало тело неповоротливым. Но то, что он увидел здесь, повергло его в уныние: не было больше бассейна с чистой водой, водопада, растений, была большая грязная чаша и спёртый воздух.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.